

Николас Сифорт совершает предательство

НАДЕЖДА УЗНИКА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

ДЭВИД ФАЙНТОК
military science fiction

Путешествия Николаса Сифорта

Дэвид Файнток

Надежда узника

Файнток Д.

Надежда узника / Д. Файнток — — (Путешествия Николаса Сифорта)

Дуэль с адмиралом Тремэном, восстание плантаторов, череда нападений космических рыб, планета Надежда, поставленная под угрозу гибели. Николас Сифорт, капитан Военно-Космического Флота Объединенных Наций, совершает свой третий звездный поход.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	19
3	29
4	36
5	48
6	67
Часть II	70
7	70
8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дэвид Файнток

Надежда узника

Третье путешествие Николаса Сифорта, офицера Военно-Космических Сил ООН, в год 2200-й от Рождества Христова.

Рику, Бетси и Графингу – моим друзьям; Ардату – за безграничную поддержку; Бетси Митчелл – за бесконечное терпение, Дону Маассу – за помощь в сотворении чуда; и как всегда – Джетти. Особую признательность выражаю сотрудникам и музыкантам ресторана "Рэгтайм Рик" города Толидо, штат Огайо, дружески относившимся к странному субъекту в угловом закутке, который выстукивал на клавиатуре своего компьютера эту книгу.

Часть I

Март, год 2200-й от Рождества Христова

1

Адмирал Тремэн тяжело поднялся с кресла. С перекошенным от злости лицом он прорычал:

– Кому ты веришь?! Мне или этому мерзавцу? Да у него еще молоко на губах не обсохло! Я старался держать себя в руках и не обращать внимания на его крики.

– Это не правильная постановка вопроса, – холодно парировал адмирал космического флота Де Марне. Он кивнул на микрочип с записанным приказом. Вместе с ним я преодолел шестьдесят девять световых лет звездного вакуума на корабле Военно-Космических Сил ООН «Гиберния». – Капитан Сифорт – не автор этого сообщения, а всего лишь доставил его. Твоего отстранения от должности требует Адмиралтейство.

Окно почему-то не было закрыто ставнями, и в кабинет адмирала Де Марне врывались лучи ослепительного солнца планеты Надежда Нации. Послышался отдаленный гул. Значит, с космодрома неподалеку от резиденции адмирала в Сентралтауне на орбитальную станцию взмыл очередной шаттл.

Я вздохнул. Всего несколько часов назад моя «Гиберния» причалила к этой станции. Теперь я прибыл специально для доклада адмиралу. И мне хотелось развеяться после надоевших дежурств на капитанском мостике. Но увы! Кто бы мог подумать, что в кабинете Де Марне окажется Тремэн?

– Доставил?! Через задницу он его доставил! – взревел Тремэн и резко повернулся ко мне. – Ты подделал его! Это фальшивка!

Я расценил его заявление как вопрос, поэтому счел возможным ответить. Обвинить меня в пререканиях со старшим офицером было нельзя:

– Никак нет, сэр. Адмирал Brentли принял это решение без консультаций со мной.

– Гнусная ложь! – взвизгнул Тремэн, разворачиваясь к старшему по званию адмиралу, – Джорджес, неужели ты не...

– Это не ложь! – вырвалось у меня. Я сам поразился своей дерзости. Перебить адмирала?! Немыслимо!

Оба адмирала уставились на меня. Они были потрясены наглостью выскочки капитана, самого молодого во всех Военно-Космических Силах. А я продолжал, вконец позабыв о воинской дисциплине:

– Мистер Тремэн! Видит бог, если кто-то и заслуживает отстранения от командования, так это вы! Но, повторяю, решение о вашем отстранении принято без моего участия. Господин адмирал, – обратился я к Де Марне, – если у вас есть хоть малейшие сомнения в моей честности, я требую проверки! – Подразумевался допрос с применением наркотиков и детектора лжи. Они развязывали язык, и утаить что-либо при этом было невозможно.

Джорджес Де Марне медленно встал.

– Требуете, капитан? – переспросил он ледяным тоном.

– Сэр, обманывать старших офицеров – не в моих правилах, – с достоинством ответил я. За свою короткую жизнь я успел взять на душу немало грехов, но этого сумел избежать. – Обвинение предъявлено по трем статьям...

– Сифорт, – оборвал меня адмирал Де Марне, – соблюдайте офицерскую вежливость! Вам слова не давали!

– Есть, сэр, – ответил я. На прямой приказ адмирала иного ответа и быть не могло.

– Теперь ты видишь, какой это наглый тип?! – заверещал Тремэн, трясаясь от гнева. – Когда он командовал «Порцией»...

– Которую ты у него украл, – едко заметил Де Марне.

– Украл? – возмутился Тремэн. – Ты что, забыл? Я же показывал тебе бортовой журнал «Порции»! Мне пришлось пригрозить ему казнью через повешение! Только тогда он перебрался на «Дерзкий»!

...Тогда, загнав часть пассажиров на поврежденный корабль, Тремэн обрек их на медленную смерть. Нас спасла только счастливая случайность, и мне удалось вернуть «Дерзкий» в Солнечную систему. Но избежать жертв не удалось.

– Ты же опытный адмирал, – залебезил Тремэн, обращаясь к Де Марне. – Сам посуди. Те кровожадные чудища могли напасть на мой корабль в любую минуту. Как я мог там оставаться? Я обязан был командовать эскадрой до самой Надежды, ведь Адмиралтейство не давало мне указаний передать свои полномочия другому. Ты должен оставить меня в должности хотя бы до возвращения в Солнечную систему. Разберись как следует.

– Разберусь. – Де Марне развернулся на кресле к столу, сосредоточенно забарабанил по нему пальцами.

Я зажмурился. Моя челюсть подрагивала, и я изо всех сил сжимал зубы. Ведь мне было приказано молчать. Да и был ли смысл что-то говорить? Допустим, адмирал Де Марне не захочет отстранять Тремэна? Ну и что? Мои возражения ничего не изменят.

В прошлом полете Тремэн отобрал у меня «Порцию». Его корабль «Дерзкий» сильно пострадал от огромных космических рыб, внешне похожих на серебристых карасей. Я был первым человеком, увидевшим доселе неизвестных чудовищ. Это произошло тремя годами раньше, во время моего первого межзвездного перелета. Полет на «Порции» был для меня вторым. Тремэн заставил меня пересесть на «Дерзкий», переправил туда немощных стариков и неграмотных подростков-беспризорников. Сам он улетел на моей «Порции», оставив нас умирать с голоду вдаль от цивилизации. Сверхсветовой двигатель «Дерзкого» был выведен из строя и не подлежал ремонту, а до Солнечной системы было девятнадцать световых лет.

Потом на нас снова напали космические рыбы. Это случилось, когда мы по настоянию малограмотных членов экипажа пытались отремонтировать сверхсветовой двигатель. По-видимому, рыбы каким-то непостижимым образом улавливают N-волны, генерируемые такими двигателями.

Тремэн не хотел сдаваться, голос его был пропитан елеем:

– Джорджес, в конце концов, земное Адмиралтейство слишком далеко. Все равно они ничего не узнают.

Но Де Марне был непреклонен.

– Да, я мог бы оставить вас на прежней должности, мистер Тремэн, но не сделаю этого, – перешел он на официальный тон.

– Значит, вы верите этому... – Тремэн на мгновение захлебнулся собственной яростью, – этому мальчишке капитану?!

– Я основываюсь на данных бортового журнала и вашем поведении, сэр, – холодно ответил Де Марне. – Адмирал Тремэн, вы отстранены от должности. Мистер Сифорт, больше я вас не задерживаю. Можете идти.

Я устало потащился из адмиральской резиденции к зданию на окраине космодрома. Слышался далекий гул реактивного двигателя.

Неподалеку располагались склады. Недавно там разместился и груз моей «Гибернии». Военная техника должна была помочь местным вооруженным силам ООН отражать натиск космических чудовищ.

Давно я не был на этой планете. Чудесные воспоминания! Впервые я посетил Надежду, когда был еще совсем молод и невинен. Тогда моя душа еще не была осквернена нарушенной клятвой.

Мой организм уже восстановился после суровых испытаний на борту «Дерзкого». Физически я был здоров, но душевные раны остались. Меня захлестывали приступы жестокого отчаяния и черной депрессии. К счастью, в многомесячном полете к Надежде мою израненную душу врачевала Анни Уэллс, любовница и подруга, с которой мы часто уединялись в моей просторной капитанской каюте.

Честно говоря, не знаю, понимала ли Анни, насколько я в ней нуждаюсь. К сожалению, нам предстояло вскоре расстаться. Я близко познакомился с ней еще на борту «Дерзкого». Она была в числе беспризорников, обитателей Нижнего Нью-Йорка, которых во исполнение дурацкой социальной программы решили сослать на далекую планету Окраинная Колония, для краткости чаще называемую Окраиной. Но полет тот пришлось прервать. Хорошо еще, что «Дерзкому» посчастливилось вернуться в Солнечную систему. Власти, однако, не успокоились и снова отправили беспризорников в ссылку на моем корабле «Гиберния».

Целых шестнадцать месяцев длился наш сверхсветовой прыжок от Земли до окрестностей Надежды, а потом – еще один короткий прыжок к этой далекой планете. Я припарковал «Гибернию» у огромной орбитальной станции, а рано утром спустился на шаттле на поверхность планеты в резиденцию местного Адмиралтейства. Среди прочего я доставил приказ об отстранении адмирала Тремэна.

В моем распоряжении оставалось несколько часов. Скоро я снова вернусь на шаттле к своей Анни. А пока надо было решить, как убить время.

Мне хотелось поболтать с кем-нибудь из старых друзей, например с Дерексом Кэрром, офицером «Порции». В том памятном полете он хотел последовать за мной на борт «Дерзкого», но я приказал ему остаться. Мне хотелось сохранить своим офицерам жизнь. Теперь Дерекс Кэрр летел на корабле «Каталония» к планете Окраина. На Надежду он вернется лишь через несколько месяцев. А может, мне удастся найти других старых друзей, например Вакса Хольцера?

Вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулся на радостный крик. Ко мне бежал лейтенант Алекс Тамаров.

– Ты здесь?! – воскликнул он. – Слава Богу! Ты все-таки выжил! – Алекс отдал мне честь и вдруг побледнел, его счастливая улыбка погасла. Он заметил на моей щеке страшные следы лазерного ожога. – Боже мой! Что это?

Я уже привык к подобной реакции. Все ужасались при виде этого безобразного пятна.

Я протянул старому другу руку, радуясь, что он жив-здоров. Как хорошо, что ему удалось избежать тех кошмаров!

– Это от лазера. На борту «Дерзкого». Пустяки, – сдержанно объяснил я.

– Но это пятно... – Алекс запнулся. Хоть мы и друзья, но все же я капитан, а он лейтенант, и это устанавливало между нами невидимую границу.

– Знаю, оно отвратительно, – закончил я его фразу. В отличие от Алекса я знал, что это уродство мною заслужено. Господь Бог гораздо страшнее покарает меня в аду, куда я попаду как клятвопреступник.

Алекс поспешил сменить пластинку. Он что-то говорил, а я слушал вполуха и вспоминал прежние дни, когда мы оба были гардемаринами и жили в одной тесной каюте на «Гибернии». Ему тогда было пятнадцать лет, мне – семнадцать.

Когда старшие офицеры «Гибернии» погибли, я стал сразу капитаном, перескочив через звание лейтенанта, и перебрался в командирскую каюту. Позже Алекс вошел в мою команду на «Порции», а потом наши пути разошлись. С тех пор прошло два года. Значит, теперь ему был двадцать один. Разница небольшая, но я в свои двадцать три чувствовал себя умудренным жизнью старцем.

– Как хорошо, что мы встретились, – улыбаясь, тараторил Алекс. – Сегодня я уже освоился, а завтра мне надо снова быть в Адмиралтействе. Меня заставили проходить тактическую подготовку. – Его улыбка померкла. Как и всякому лейтенанту, ему хотелось совершенствоваться в управлении кораблями, что открывало перспективу для дальнейшей карьеры. – А о том, что произошло на «Порции»... Знаешь, мне стыдно.

– Стыдно? – удивился я. Насколько я помнил, стыдиться ему было нечего.

– Я хотел отправиться с тобой на борт «Дерзкого». Должен был попросить об этом адмирала, но не смог. Несколько часов я пытался заставить себя обратиться к Тремэну с этой просьбой, но так и не решился. Я оказался трусом.

– Не говори глупостей! – вырвалось у меня. – Я ведь сказал тебе тогда, что не возьму тебя с собой ни при каких обстоятельствах. Ты вовсе не трус.

– Нет, я обязан был вызваться добровольцем, – упорствовал Алекс. – Неважно, что ты не хотел меня брать. Я испугался, а ты – нет.

– Дурак! Если бы Аманда и Нэйт были живы, я тоже дорожил бы своей жизнью. При чем тут храбрость? Я просто бежал оттуда, на «Дерзком» мне все опостылело. – Заметив на лице Алекса недоверие, я распалился пуще прежнего:

– Лучше бы я погиб! Тогда я не загубил бы свою душу.

Алекс смотрел на меня с тревогой. Наши глаза встретились.

– Как бы то ни было, наши поступки говорят сами за себя. Теперь я бы не бросил тебя в беде, – сказал он.

– Думай о себе что хочешь, но я не считаю тебя виновным. Ни в чем. – Чтобы как-то отвлечь Алекса от болезненной для него темы, я заговорил о другом:

– Они отстранили Тремэна.

– Слава Богу! Но что будет теперь? А как насчет твоего вызова?

– Ты знаешь об этом? – изумился я. Когда Джефффри Тремэн выбросил из «Порции» космическую шлюпку с беспризорниками, обрекая их на смерть, мое терпение лопнуло. Именно тогда я, вне себя от ярости, поклялся отомстить негодяю и вызвать его на дуэль. Теперь, когда Тремэн отстранен, это стало вполне возможным. Но какое значение имеет та клятва сейчас, когда душа моя уже проклята? Одну клятву я уже нарушил.

– Да, мы все об этом знаем, – ответил Алекс. – Тремэн был не один на капитанском мостике, когда ты передал по связи свою клятву. Кроме того, ваш разговор записал бортовой компьютер Дэнни. Он рассказал бы это нам, если бы мы сами все не слышали.

Что верно, то верно – Дэнни обожает посплетничать. Наверно, бесконечной болтовней он спасается от скуки и одиночества. Было бы здорово опять с ним поговорить. Помнится, после смерти жены я часто коротал время в откровенных беседах с этим нагловатым, но добрым компьютером. Это скрашивало унылые часы дежурств на капитанском мостике. Мы стали друзьями, если это слово применимо для отношений человека с компьютерной личностью. Но теперь я даже не знал, в каком месте нашей необъятной Галактики обретается «Порция» с моим другом Дэнни.

– Мне кажется, я должен послать ему вызов, Алекс, – сказал я. Мне бышо незачем цепляться за свою погубленную жизнь. Я лишился не только жены и сына. В битве с чудищами погиб Филип Таер, честно разделявший со мной тяготы существования на борту «Дерзкого». Теперь исход дуэли с Тремэном не имел большого значения. Если я погибну, туда мне и дорога. Впрочем, хватит о грустном. Я решил сменить тему:

– А что с Ваксом?

– Он здесь, сэр. Вакс часто мотается между станцией и Адмиралтейством.

– Вот бы с ним поговорить! – обрадовался я. Значит, у лейтенанта Вакса Хольцера тоже все хорошо! Когда-то Вакс был моим соперником, потом врагом, но в конце концов стал другом. Он дважды спасал мне жизнь.

Алекс снова начал болтать о пустяках. Я предложил ему вместе прошвырнуться по Сентралтауну. Он охотно согласился и с гордостью подвел меня к своему собственному электромобилю. Из-за быстрого роста населения личный транспорт здесь стал дефицитом, поэтому приобрести такую шикарную штуковину было не так-то легко. Алекс повел легковушку по Космическому шоссе, а я с любопытством глазел в окно.

Давненько я не был на этой планете. Сентралтаун с тех пор сильно разросся. Я не узнавал города, в котором когда-то был так счастлив с Аmandой. Показав мне новостройки, Алекс остановился у ресторана. Мы зашли внутрь. За столом я иногда впадал в задумчивость, мрачно молчал, но Алекс относился к этому с большим тактом и пониманием. Вечер прошел превосходно. Такой дружеской атмосферой я не наслаждался несколько месяцев. Мы засиделись допоздна, а когда наконец вышли из ресторана, Минор (естественный спутник этой планеты) висел прямо над головой, а Мажор (вторая луна Надежды) скрывался за горизонтом. Я внимательно вглядывался в темное небо, пытаюсь увидеть орбитальную станцию, к которой была причалена и моя «Гиберния».

– Вам есть где переночевать, сэр? – спросил Алекс.

– Нет. Только на корабле.

– Но уже поздно... – Алекс поколебался, наконец робко предложил:

– Может быть, переночуете у меня?

Его смущение было понятно. Над Алексом довлели традиции Военно-Космических Сил, которые устанавливают между капитаном и лейтенантом труднопреодолимую границу.

– На «Гибернии» меня ждет Анни, – неуверенно возразил я. С одной стороны, меня влекло к ней, а с другой – действительно было поздно и я не знал, полетит ли шаттл к орбитальной станции этой ночью. – Ладно, останусь у тебя, – согласился я.

Лицо Алекса озарилось улыбкой.

Его квартира находилась в одном из стандартных сборных домиков, расположенных вдоль Космического шоссе. Во время моего прошлого визита на эту планету их еще не было, а теперь появился сразу десяток. Квартирка напоминала мне сильно увеличенную гардемаринскую каюту «Гибернии».

– Ложитесь на кровать, а я займу кушетку, – гостеприимно предложил Алекс.

Как я сразу не сообразил, что у него всего лишь одна кровать?! А эта кушетка такая узкая! Нет, так не пойдет...

– На кушетке буду спать я.

– Нет, это невозможно! – попытался возражать Алекс. Но я был непреклонен.

– Нет, я ни за что не лягу на твою кровать, Алекс. – В таком деле о субординации надо забыть. Нехорошо доставлять человеку неудобства в его собственном доме.

– Пожалуйста, сэр, – умолял Алекс. – Не беспокойтесь обо мне, эта кушетка мягкая, очень удобная. В самом деле. – В доказательство своих слов он похлопал по ней, демонстрируя ее мягкость. Заметив, что я не собираюсь уступать, он поспешно затараторил, не давая мне вставить ни слова:

– Да я же всю ночь не усну, если загоню вас на кушетку! Здесь лягу я. Ради бога! Пожалуйста!

Поскрипев зубами, я нехотя согласился, а потом долго размышлял, чем вызвано его теплое гостеприимство. Уважением к моему званию или ко мне самому? Какой же я болван! Конечно, уважением к званию! Все очень просто – я капитан, а он лейтенант. Разве можно уважать меня самого? Нельзя. Не за что.

Утром Алекс подбросил меня на электромобиле до космодрома. Я взял билет на ближайший шатл и через два часа был на «Гибернии». Первым делом надо было проверить капитанский мостик, но меня сразу стали одолевать сомнения – стоит ли?

По законам Военно-Космических Сил экипажу полагается месячный отпуск, если полет длится свыше десяти месяцев. Тем не менее во время стоянки круглосуточные дежурства в центре управления кораблем (на капитанском мостике, как мы его чаще называем) продолжают, но это пустая формальность, причем ни одного члена экипажа я не имею права держать на корабле более четырех дней.

Пока я так размышлял, бредя по кольцевому коридору первого уровня «Гибернии», ноги сами привели меня к капитанскому мостику. Дверь почему-то была распахнута настежь, хотя по правилам она должна быть не просто закрыта, но и заперта. В кресле дежурного офицера сидела лейтенант Коннор, развалясь и положив ноги на стол. Я вошел и закрыл за собой дверь. Увидев меня, Коннор тут же вскочила. Глаза у нее округлились, и она вытянулась по стойке смирно.

– Вольно, мисс Коннор, – разрешил я. Случись такое разгильдяйство в полете, я, конечно, пришел бы в ярость, но сейчас ссориться из-за пустяков не хотелось.

Первым делом я взглянул на экраны, встроенные в дугообразную стену. Ни на одном из них изображения не было. В сверхсветовом полете они обычно показывают внутренности корабля от кормы до носа, а сейчас наш бортовой компьютер Дарла за ненадобностью их выключил. Изображения появились бы лишь в случае тревоги.

В центре стояло мое кресло, обитое черной кожей. Разумеется, оно пустовало. Лейтенант Коннор сидела на своем месте. Ни один из офицеров не осмелился бы сесть в капитанское кресло.

– Все в порядке, мисс Коннор? – спросил я.

– Да, сэр. Последние пассажиры улетели вчера вечерним шаттлом, за исключением мисс Уэллс.

Значит, делать мне тут абсолютно нечего. Я кивнул:

– Буду в своей каюте.

– Хорошо, сэр. Мисс Уэллс, кажется... э... очень скучает, сэр. – Коннор умолкла и отвела глаза в сторону. Она сообразила, что зашла слишком далеко, коснувшись моей личной жизни.

Однако я не стал ее укорять и покинул капитанский мостик. Стоянка есть стоянка, на ней можно немного и расслабиться.

Едва я открыл дверь своей каюты, как на меня кто-то бросился. Конечно, это была Анни. Я крепко обнял ее, и от неожиданности не сразу заметил, что она всхлипывает, уткнувшись в мое плечо.

– Что случилось, лапочка? – встревожился я.

– Все нас покинули, все-все беспризорники, одна я здесь осталась, – сквозь слезы залепетала Анни с испанским акцентом, жутко коверкая слова. Такое случалось с ней только в минуты душевного волнения. Мне так и не удалось до конца вытравить из нее глубоко въевшийся уличный жаргон.

Я обнял ее еще жарче.

– Я понимать... Я все понимаю, – запинаясь она. Анни старательно выговаривала слова, чтобы не было акцента. – Адмирал уже сказал тебе, куда ты полетишь дальше?

– Нет еще. – Я снял китель, повесил его в шкаф. Теперь треть всех кораблей Военно-Космических Сил охраняли Надежду от космических рыб. Я почти разуверился в том, что из всей этой кучи выберут именно меня, чтобы доставить беспризорников на планету Окраина.

Нам с Анни предстояло расстаться. Мы оба знали об этом. Единственной возможностью избежать вечной разлуки была свадьба. Я не знал, согласится ли Анни. Мне было известно только одно – брак с ней погубит мою карьеру. Адмиралтейство было известно своей консервативностью. Моя молодость и строптивость уже восстановили против меня большую часть генералитета. Если же я вдобавок женюсь на беспризорнице – представительнице бесчисленных и презренных банд, которые терроризируют все крупные города Земли, – то навсегда попаду в черный список. Конечно, прямо мне об этом не скажут. Просто-напросто я буду отстранен от полетов без каких-либо объяснений.

– Внизу мне встретился Алекс, – сообщил я. На «Порции» она практически не была знакома с лейтенантом, видела его лишь издалека и знала только, что он один из моих офицеров.

– Никки, я много думала, – спокойно промолвила Анни. Теперь ее произношение стало идеальным, что невольно вызвало у меня улыбку. – Знаешь, нехорошо нам оставаться на корабле. У меня больше не будет случая увидеть Надежду, да и тебе надо немного походить по твердой почве. Сколько можно жить на корабле? Возьми меня с собой на эту планету, покажи ее. Как ты на это смотришь?

– Для меня она полна воспоминаний, – осторожно ответил я. Разве можно водить Анни по тем же самым местам, где я так счастливо проводил время с Амандой? Как сравнивать этих женщин? Нет, это слишком жестоко. К тому же сравнение было бы явно не в пользу Анни.

– Я хотеть... я хочу знать все о твоих воспоминаниях, – настаивала она, снова разволновавшись. – Никки, пойми, твоей жены нет! Она умерла. Она никогда не придет. Тебе надо жить. Жить без нее. Пойми.

Конечно, Анни была права, но мне от этого было не легче. Правда и то, что я ей многим обязан. Анни немало сделала для меня. Пришлось согласиться.

– Ну что ж, если ты этого хочешь... Хорошо, мы снимем квартиру внизу. Я покажу тебе кое-что. – А что показать? Я и сам не знал. Наверно, Вентуры, горы на Западном континенте, от вида которых захватывает дух. Когда-то мы с Амандой и Дерекком бродили по их склонам... Нет, Анни я проведу по другим местам. Это будет совсем другое путешествие.

Я решил показать ей плантации. Агроном Эммет Бранстэд, с которым я познакомился на борту «Дерзкого» и даже вынужден был взять его на службу из-за недостатка экипажа, теперь тоже был здесь, на Надежде. Он попал сюда раньше меня, пока я валялся по госпиталям Лунаполиса. Помнится, поначалу Бранстэд казался мне слишком высокомерным и раздражительным, но позже, приняв присягу, он зарекомендовал себя добросовестным работником. Между нами установились хорошие отношения, и он передал мне через местное адмиралтейство, что всегда рад видеть меня в своем доме и на обширных плантациях, принадлежащих его семье.

Честно говоря, его приглашение меня удивило. Мне почему-то мерещилось, будто службу на «Дерзком» он нес крайне неохотно, хотя и добросовестно, а потому постарается поскорее забыть все и вся, связанное с тем тяжелым полетом. Кстати, три года тому назад во время отпуска я познакомился с его братом Хармоном.

– Когда тронемся в путь? – спросил я, отбросив воспоминания.

– Может быть, сегодня?

Я скрипнул зубами. У меня в груди до сих пор побаливало от недавнего подъема на шаттле. Впрочем, погружаться в гравитацию планеты вдвое легче, чем из нее выходить.

– Хорошо, – согласился я и потянулся к телефону, чтобы заказать билеты, но раздумал. – Лучше пойдем за билетами пешком. Посмотришь станцию.

– Зачем мне станция? – недовольно спросила Анни.

– Она похожа на корабль, только гораздо больше.

– Насмотрелась я уже твоих кораблей. Хватит.

Ну что ты будешь делать с этими «заземленными»? Разве они понимают всю прелесть космических кораблей!

– Не бойся, орбитальная станция столь же хороша, как и «Гиберния», да и я буду рядом с тобой, не бойся, – заупрямился я. – Пошли.

Она долго ворчала, но мне, хоть и с трудом, все-таки удалось ее уговорить.

Представьте себе карандаш, тот самый старинный карандаш, который ныне прочно забыт, поскольку давно вышел из употребления. А теперь вообразите, что на этот карандаш приблизительно в центре нанизаны два или три сантиметровых диска. Представили? Это и есть сильно уменьшенная модель типичного межзвездного корабля. Внутри карандаша располагается грузовой трюм, набитый топливом, провиантом и всяким барахлом для обживаемой планеты, куда направляется корабль.

Пассажиры и экипаж живут в дисках, которые на нашем жаргоне называются палубами или уровнями. В каждом таком диске по периметру, как кольцо, проходит коридор. Между собой диски соединены двумя лестницами, западной и восточной. Капитанский мостик всегда находится на первом уровне (он будет верхним, если корабль поставить вертикально). Отделения гидропоники и регенерации находятся посередине. В самом нижнем диске ближе к корме располагается инженерное отделение. Там находится и сверхсветовой двигатель, от которого до самой кормы тянется так называемая шахта двигателя.

Орбитальная станция похожа на стопку похожих дисков, но без карандаша. Только диски эти намного-намного больше. Станция имеет аж пять уровней, так что недолго и заблудиться, что, к моему смущению, вскоре со мной и произошло.

– Ты, оказывается, не лучше «заземленных», – подколола меня Анни, когда мы, плутая, в очередной раз прошли мимо комиссариата. – Лучше спроси у кого-нибудь.

– Я и так знаю, что на посадку надо идти по этому коридору, – заупрямился я.

– Но мы уже здесь проходили! – Иногда Анни бывала просто невыносимой.

Я знал, что пункт отправления должен располагаться где-то на четвертом уровне, и хотел найти его сам, не расспрашивая встречных.

Наконец мы кое-как добрались до цели. Анни успокоилась. До отправления нашего шаттла оставалось два часа, вполне достаточно, чтобы успеть собрать вещи.

Прежде чем вернуться на «Гибернию», я на всякий случай взял в справочном бюро подробную схему. Не дай бог опять заблудиться!

Около офицерской гостиницы нам повстречался молоденький лейтенант. Я спросил его:

– Простите, вы случайно не знаете мистера Хольцера?

– Хольцера? А, Вакса?! Знаю! – заулыбался лейтенант. – Он изучает тактику. Наверно, он прибудет в местное адмиралтейство через неделю, сэр.

– Пожалуйста, узнайте точнее, если возможно.

Вскоре он вернулся с другим лейтенантом и сообщил:

– Так и есть, сэр. Вакс будет на поверхности планеты на следующей неделе.

– Большое спасибо.

– Вы капитан Сифорт? – вмешался долговязый офицер, вошедший вслед за лейтенантом.

– Да, – нехотя ответил я.

– Я видел вас на голограммах, сэр. Позвольте представиться: лейтенант Джеффри Кан.

– Что вам угодно? – произнес я, удивившись своему грубому тону. Мне не хотелось выглядеть невежей.

– Просто... – Бедняга Кан так смутился, что вдруг начал запинаться. – Ничего, сэр, просто я хотел с вами поговорить. Понимаете, сэр, мне очень хотелось узнать, что вы чувствовали при встрече с чудищами.

Чертовы журналисты! Всюду обо мне раструбили! Как только «Дерзкий» вернулся в Солнечную систему, вокруг меня и космических рыб поднялся невообразимый шум.

Анни занервничала, выдернула из моей сжавшейся ладони руку. Мне стало жарко, в обожженной щеке застучала кровь.

– К какому кораблю вы приписаны, сэр? – строго спросил я.

– Я прилетел на «Валенсии», сэр. Простите, если я... – залепетал лейтенант Кан.

– Если попадете на мой корабль, горько пожалеете! – рявкнул я.

– Простите.

Я схватил Анни за руку и пошел по коридору чуть ли не строевым шагом.

– Никки, больно же! – пискнула Анни. Я выпустил ее руку и прибавил шагу.

– Черт бы его... Неслыханная дерзость! – ворчал я. – Перебить капитана! Только для того, чтобы потом хвастаться всем подряд, что говорил со мной!

– Что там плохого? Ты же знаменит, – успокаивала меня Анни, едва поспевая за мной.

– «Что в этом плохого», – поправил я ее и замедлил шаг. Несколько месяцев во время полета на «Гибернии» я обучал Анни правильной речи и хорошим манерам. Она жаждала стать похожей на Верхних, так назывались высшие и средние слои общества. Анни старательно училась, но иногда все же делала ошибки. – Если бы кто-нибудь из моих офицеров вздумал мне так досаждать, то я...

Я осекся. В самом деле, что бы я тогда сделал? Черт его знает. Алекс, например, тоже лейтенант, как и Кан. Но я ведь принял предложение переночевать в его доме, несмотря на границу, установленную нашей жесткой традицией между капитанами и лейтенантами. Правда, Алекс мой друг.

Впрочем, так ли это существенно? И чего я так взъелся на лейтенанта Кана? Надо было с ним помягче...

В телефонной будке на космодроме я долго просматривал компьютерные объявления о сдаче жилья внаем. Аренда меблированных квартир на этой планете была запредельно дорогой. Чтобы снять квартиру на несколько недель, требовалось выложить кругленькую сумму. Но за долгие месяцы полета я свою зарплату не тратил. Денег у меня накопилось достаточно, и я мог позволить себе такую роскошь. Вскоре мы с Анни выбрали квартиру неподалеку от домика Алекса, чем я был очень доволен.

Мы быстро распаковали вещи и вышли на прогулку. Анни прямо-таки пожирала глазами экзотические пейзажи незнакомой планеты. Я пообещал сводить ее на прогулку в центр города завтра, а пока мы закупили в ближайшем магазинчике всевозможной снеди и вернулись домой. Вечерело.

Утром, к своему удивлению, я ощутил прилив сил и бодро повел Анни в центр города. Там я охотно показывал ей знакомые мне здания, например окружной суд, где когда-то жарко спорил с судьей Чесли о зачислении меня на службу кадетом. Потом мы с Анни погуляли по парку, наслаждаясь его экзотической зеленью.

– Что это, Ник? – спросила она, с изумлением показывая на готический шпиль. Он был виден за деревьями.

– Это кафедральный собор, лапочка, – объяснил я.

– Какой красивый!

Он действительно был великолепен. В мой прошлый визит на эту планету я молился в этом кафедральном соборе Церкви Воссоединения об облегчении бремени командования кораблем.

– Зайдем? – Я взял ее за руку и ввел в храм.

Он был сооружен из тесаных камней более столетия назад. Когда на Надежду начали переправляться первые поселенцы, Церковь Воссоединения уже стала государственной религией, хотя некоторым сектам еще позволялось существовать. Правительство ООН объявило о существовании Единственного Истинного Бога, а я, как и любой другой капитан, стал его представителем на своем корабле.

Мы с Анни преклонили колена пред алтарем. Я тихо молился, печалюсь о том, что Господь наверняка не внемлет мне, грешному. Анни вскоре отошла от алтаря и ждала меня на скамье. Когда я закончил молитву и встал, Анни прошептала мне, показывая глазами вверх:

– Смотри.

Я взгляделся в великолепие фресок, выполненных с необыкновенным мастерством.

– Да, очень красиво. – Я нежно взял ее за руку.

– Как здесь хорошо, – благоговейно шептала Анни. – Не хочется уходить.

Неудивительно. Кому же хочется уходить из дома Господа нашего? Но я не стал произносить это вслух, а сказал о другом:

– Лапочка, на Окраине тоже есть церкви. – Конечно, они не столь величественны. Та планета слишком молода, люди начали переселяться туда совсем недавно.

– Хочу еще побыть здесь, – попросила Анни и с восхищением провела рукой по полированной поверхности толстой скамьи из красивого, прочного дерева.

– Хорошо. – Я сел, взял молитвенник, рассеянно начал его листать. Анни не спеша бродила по храму.

– Сэр! Это вы?! – послышался чей-то голос. Я поднял глаза.

– Мистер Форби! – воскликнул я, узнав старого знакомого. Мы пожали друг другу руки. – Я думал, вам уже разрешили уйти в отставку.

Три года тому назад, когда я впервые прибыл сюда на «Гибернии», Форби командовал маленькой военно-космической станцией, но неважно справлялся со своими обязанностями. Еще тогда он жаждал уйти в отставку.

– Наверно, я мог бы уйти, если б очень хотел, – ответил он. Его взгляд на секунду остановился на моем безобразном ожоговом пятне, потом метнулся в сторону. – Но теперь, с этими нападениями рыб... Знаете, обстановка изменилась. Прибыло много старших офицеров, мне уже не приходится так много руководить...

– Понимаю.

– Теперь я занимаюсь с тактической группой. Эта работа мне нравится.

– Группа, случайно, не та самая, в которую входит Вакс Хольцер?

– Именно та, сэр. Он сейчас в Адмиралтействе. А какие у вас планы, сэр?

– Пока мы с мисс Уэллс наслаждаемся отпуском. – Я подозвал Анни и представил ее мистеру Форби. – Сегодня мы обедаем с лейтенантом Тамаровым, а потом мне надо зайти в Адмиралтейство.

– Сэр, знаете... Насчет Вакса... – неуверенно заговорил Форби.

– Что с ним? – встревожился я.

– Все нормально. Полный порядок.

– Он добрый человек, очень добрый. Однако, должен заметить, иногда он злоупотребляет хорошим к нему отношением. – Я взглянул на часы. – Анни, пора идти. Алекс ждет. Рад был снова увидеть вас, мистер Форби. – На прощание я пожал ему руку.

Мы встретили Алекса в том же ресторане, в котором пару дней назад я так хорошо провел с ним вечер. После обеда Алекс отвез нас домой. У него в Адмиралтействе еще были дела.

Анни настояла, чтобы я съездил туда вместе с ним, пока она будет готовить ужин. Доверить приготовление пищи мне она ни за что не хотела: мол, это женское дело. Я с радостью согласился.

Во время этой короткой поездки Алекс большей частью молчал, о чем-то сосредоточенно размышляя.

Мы поднялись по лестнице к двойным дверям с эмблемой Военно-Космических Сил и латунной табличкой с надписью «Адмиралтейство». Навстречу нам поднялся дежурный должностной категории лейтенант. Он отдал честь и обратился ко мне как к старшему по званию:

– Вы к адмиралу Де Марне?

– Нет, к Ваксу Хольцеру.

– Он сейчас наверху, в классе тактики, сэр. Вызвать его сюда?

– Сам вскарабкаюсь, – улыбнулся я. – Мы с Ваксом друзья.

Я бодро пошел по лестнице, Алекс – за мной.

– Сэр, мне кажется, я должен вам сообщить... – неуверенно заговорил он мне вслед.

– Потом, Алекс, – отмахнулся я. – Вначале увижу Вакса.

– Но...

Договорить он не успел, я уже открыл дверь со словами:

– Вакс! Ты здесь?

– Встать! Смирно! – рявкнул Вакс Хольцер.

Я аж вздрогнул. Гардемарины и лейтенанты встали и вытянулись по струнке. Вакс, глядя прямо перед собой, словно меня не существовало, тоже замер по стойке смирно, но как-то очень уж напряженно, будто аршин проглотил.

– Вольно, – разрешил я и радостно подошел к Ваксу с протянутой рукой. – Вакс, ну как ты тут поживаешь? Говорят...

Я осекся. Лицо Вакса походило на холодную маску, а руки он демонстративно заложил за спину. Глаза его по-прежнему смотрели мимо меня куда-то в стену. Я ничего не понимал.

– Что-то не так? – растерянно спросил я.

– Все нормально, сэр, – ледяным тоном ответил Вакс, не удостоив меня даже взглядом.

– Вакс, мы так долго не виделись... Я очень рад, что встретил тебя здесь.

– Спасибо, капитан, – все тем же официальным тоном произнес он.

Тут вмешался Алекс:

– Мистер Хольцер, капитан Сифорт прошел сквозь нечеловеческие испытания. Он прибыл сюда, чтобы увидеться с вами при первой же возможности...

– Молчать мистер Тамаров, – оборвал его я. Обойдусь и без вашей защиты! – Уходите!

– Есть, сэр, – ответил он и тут же вышел. Я не был его непосредственным командиром, но на прямой приказ капитана для лейтенанта предусмотрен только один ответ.

Я повернулся к Ваксу, решив все выяснить до конца.

– Почему ты не смотришь на меня? В чем дело?

– У нас занятия, сэр, – ответил Вакс. Я понял, что разговор не получится, резко повернулся и вышел из класса. Алекс ждал меня внизу.

– Я пытался вас предостеречь, но вы... – осторожно начал он.

– Что с ним? – выпалил я. – За что он на меня злится?

– Помните, Вакс предлагал вам устранить Тремэна, когда тот выгонял вас с «Порции»? Но вы не позволили Ваксу ни расправиться с этим ублюдком, ни последовать за вами на борт «Дерзкого».

Вот оно что! Я был потрясен.

– Но я всего лишь хотел уберечь Вакса от смерти. И этого он мне не может простить? – ошалело спросил я.

– Да, сэр.

Оглушенный, ничего не замечая вокруг, я вышел из Адмиралтейства на жаркий воздух. Алекс последовал за мной. Внизу мы остановились.

– Я пытался переубедить его, но он ничего не хочет слушать, – признался Алекс. – Он сказал, что вы не имели права пренебрегать нашей помощью. Что вы не имели права идти на смерть в одиночку.

– В бога твою душу мать!

Алекс умолк, обескураженный моим богохульством. Ну и черт с ним. Наплевать. В этот момент я возненавидел Военно-Космические Силы. Они отняли у меня жену, сына, друзей.

– Ага, вот ты где, шенок! Небось посмеиваешься над своей клятвой мести, – послышался противный голос.

Я встрепенулся, поднял глаза. У крыльца стоял адмирал Джеффри Тремэн.

– Над клятвой? – переспросил Алекс.

– Из-за него меня отстранили от должности, разве не знаешь? – злобно проскрипел Тремэн. – А ты, Сифорт, добрался-таки до Земли. А помнишь, как ты хныкал, когда я сбавил тебя на «Дерзкий»? Хныкал, как оказалось, из-за пустяка.

– Адмирал Джеффри Тремэн! Теперь вы не на службе. При свидетеле бросаю вам вызов. Защищайте свою честь!

Глаза Тремэна сузились.

– Ты хочешь драться на дуэли с Тремэном? – снисходительно переспросил он. – Ладно. Надеюсь, тебе известно, что выбор оружия за мной?

– Разумеется. – В полете я упражнялся в стрельбе из старинных пистолетов. Их мне подарил адмирал Brentli. Правда, больших успехов достичь не удалось.

– Что ж! Как только найдешь себе секунданта, пусть он свяжется со мной, чтобы обговорить условия. Меня можно найти...

– Можно я буду вашим секундантом, сэр? – вдруг выпалил Тамаров.

– Спасибо, Алекс, – согласился я, отдал честь адмиралу и обратился к обоим:

– Пожалуйста, джентльмены, обговорите все условия сейчас. – На этом я гордо удалился.

Меня долго пытались отговорить. Анни вначале умоляла меня, а когда это не подействовало, начала приводить все аргументы, какие только могла придумать.

– Что толку с того, что ты будешь убит? – рассуждала она. – Тебя похоронят здесь, а этот адмирал вернется на Землю.

– Лапочка, это мой долг, – мягко возражал я.

– Но почему? Ты же знаешь, что он стреляет лучше тебя!

Что верно, то верно. Стрельба из старинных пороховых пистолетов – давнее увлечение адмирала.

Конечно, Анни не могла понять, почему я должен идти на дуэль. Иногда борьба важнее победы. Но главным было другое. Отомстить Тремэну я поклялся перед самим Господом Богом. Я неоднократно нарушал заповеди Господни и был клятвopеступником, погубил свою душу, но мне не хотелось усугублять безмерную вину перед Всемогущим нарушением еще одной клятвы.

Через четыре дня после того, как я бросил Тремэну вызов, мы встретились с ним на зеленом лугу за городом. Моим секундантом был Алекс. Держался он напряженно, официально. Секундантом Тремэна был один несчастного вида лейтенант. Вдалеке виднелись молчаливые группки офицеров, пришедших поглазеть на редкое зрелище. Весть о дуэли распространилась по округе удивительно быстро.

Анни не было. Я запретил ей присутствовать на этом сугубо мужском мероприятии.

Пока секунданты уточняли последние детали, я в белоснежном парадном мундире стоял в тени красивых деревьев и прислушивался к шороху листьев, к биению своего сердца.

Я не молился, не выпрашивал у Господа помощи. Зачем? Ведь душа моя уже погублена. Разве Господь прислушается к просьбам нечестивца? Честно говоря, я боялся. Нет, не смерти, а того, что за ней последует.

Какими муками придется мне искупать грехи?

Наконец, как и положено по дуэльной традиции, секундант адмирала обратился к нам с предложением:

– Джентльмены, призываю вас прекратить ссору и окончить дело миром.

– Прошу не забывать, что ссору начал мистер Сифорт, – едко усмехнулся Тремэн. – Я был вынужден принять его вызов. Но если капитан не желает драться, я не буду настаивать на дуэли.

– Что скажете, капитан Сифорт? – повернулся ко мне секундант Тремэна.

Я невольно залюбовался роскошным лугом, ярко зеленевшим под ослепительным солнцем.

– Что вы им скажете, сэр? – тихо спросил Алекс. Уловив мои сомнения, он затараторил:

– Сэр, в Солнечной системе его ждет суд. Ему и так конец. Вы же сами рассказывали мне, как о Тремэне отзывался адмирал Brentли.

Мои ноги дрожали. Я боялся, что Алекс меня уговорит.

– Ты обо мне беспокоишься? – спросил я, чтобы остановить поток его слов.

Алекс опустил глаза, но тут же с трудом поднял на меня взор.

– Да, сэр. Очень беспокоюсь.

Дрожь в моих ногах утихла. Я задумался. Значит, за меня волнуется не только Анни? Правда, ни она, ни Алекс меня не понимают, иначе не стали бы отговаривать от дуэли, но все-таки их забота приятна. Кстати, Алекс прав. Тремэна действительно ждет трибунал. Кодекс чести не требует от меня рисковать жизнью, чтобы наказать такого человека. Его покарает закон.

Адмирал Де Марне тоже будет рад, если я откажусь от дуэли. Вчера он вызвал меня к себе в кабинет специально для того, чтоб отговорить от поединка. По его мнению, рисковать было совершенно незачем. Он не просто отговаривал меня, а требовал.

– Это приказ? – спросил его я.

– Нет, – замахал он руками, – ты же знаешь, что я не могу тебе этого приказать. Ты в отпуске, Тремэн отстранен от должности, так что дуэль вполне законна. – При этом пальцы адмирала Де Марне нервно забарабанили по столу из красного дерева.

– Тогда, сэр, я...

– Зачем тебе это, Сифорт?! – перебил меня Де Марне. – Ты нужен «Гибернии».

– Верно, сэр. Но верно и то, что я обязан сдержать свое слово, – возразил я.

– Чертов дуэльный кодекс! В него давно надо внести поправки. Капитан вызывает на дуэль адмирала... Нехорошо. – Де Марне бросил на меня взгляд и добавил:

– Понимаю, что тобой движет не тщеславие. Но все равно люди тебя не поймут.

– Капитан фон Вальтер вызвал на дуэль правителя ибн Сауда, – напомнил я. Уже несколько поколений офицеров Военно-Космических Сил считали капитана фон Вальтера своим кумиром.

– Этот правитель не был для него старшим офицером, – возразил Де Марне и колко добавил:

– А ты – не фон Вальтер.

– Знаю, сэр. – Разумеется, я был далек от того, чтобы сравнивать себя с самим Хьюго фон Вальтером, который нашел мертвый корабль «Селестину», а впоследствии стал адмиралом и дважды избирался Генеральным Секретарем ООН. – Тем не менее, сэр, я не могу нарушить свою клятву.

– Я могу прервать твой отпуск, – пригрозил адмирал. Это действительно сделало бы дуэль невозможной.

– У меня же послеполетний отпуск, сэр. Я его заслужил.

– Знаю. – Он смерил меня ледяным взглядом. – А у Тремэна отпуск давно закончился. Я могу вернуть его на службу.

– Как вам будет угодно, сэр. – Втайне я обрадовался, словно отсрочке смертного приговора.

– Нет. – Де Марне снова забарабанил пальцами по столу. – Я не сделаю этого даже ради спасения твоей жизни. У меня самого не было полномочий отстранить Тремэна. А теперь, когда есть приказ о его отстранении, я уже ни за что не верну этого человека. Но мне хотелось бы, чтобы ты сам отказался от дуэли.

– Понимаю вас, сэр.

– Сифорт, ты прошел сквозь огонь и воду. Стал как до предела сжатая пружина. Сейчас твой рассудок замутнен. Но попробуй взглянуть на вещи трезво. Одумайся.

– Понимаю вас, сэр, – повторил я.

– Ладно. – Де Марне еще некоторое время сверлил меня взглядом и наконец сказал:

– Все. Иди.

Я пошел к выходу, чувствуя спиной его взгляд...

– Сэр!

Голос Алекса вывел меня из задумчивости. Он ждал моего ответа. Как быть?

Ради Анни, ради Алекса. И ради адмирала Де Марне.

– Скажи ему... скажи ему... я согласен, – прошептал я. Или мне это показалось?

Словно наяву, я услышал строгий голос отца. Так он говорил во время изучения Библии на кухне за старым скрипящим столом:

– Клятва священна, Николас. Если ты ее не исполнишь, ты – ничтожество.

Знаю, отец. Но я уже проклят. Проклят за такие грехи, которым нет прощения.

Образ укоряющего отца растаял.

Раздался иной, юный голос:

– Рад был служить вместе с вами, сэр. Да поможет нам Бог!

Я вздрогнул.

– Что ты сказал? – вырвалось у меня.

– Ничего, сэр. Я ничего не говорил, – удивился Алекс.

– Не ты. Филип Таер... – Я прикусил язык. Неужели схожу с ума? Филип Таер давно погиб. И в этом виноват Тремэн. Бедняга лейтенант до конца выполнил свой долг, погиб героически. Я обратился к секунданту адмирала:

– Передайте своему доверителю вот что. Если он раскаивается в том, что причинил зло лейтенанту Филипу Таеру, пассажирам и экипажу «Дерзкого», то я буду считать свою клятву исполненной. Это единственное, но необходимое условие отмены дуэли.

Тремэн не стал дожидаться, пока секундант повторит ему мои слова, и крикнул:

– Будем драться.

Я взял один из старинных пистолетов. Он отдаленно напоминал тот, из которого я стрелял на борту «Гибернии», – подарок адмирала Brentли.

– Спасибо за помощь. Я очень тебе благодарен, – попрощался я с Алексом.

– Я тоже вам благодарен, – словно повторил дежурные слова прощания Алекс и отдал честь.

Мы с Тремэном заняли позиции, начали друг в друга целиться. Его глаза горели свирепым огнем.

2

– Дуэлянты защитили свою честь! Ради бога, позовите доктора! Они ранены!

– Ранен капитан, а адмиралу помощь, кажется, уже не нужна, – объявил лейтенант, тронув распластавшегося на земле Тремэна.

Я стоял, пошатываясь, радуясь тени красного клена. Дышать было больно. Я потрогал бок. Он был в крови.

– Капитану Сифорту помощь тоже может не понадобиться, если вы не поспешите, – крикнул один из офицеров адмирала Де Марне, имени которого я не помнил.

– Я помогу вам сесть в вертолет, – заботливо предложил Алекс.

– Все нормально, Алекс, я сам.

– Нет, сэр. Позвольте, я помогу, – настаивал он.

Опираясь на Алекса, я поковылял к вертолету. Чтобы войти внутрь, пришлось пригнуться. Меня пронзила жуткая боль. Я закашлялся и никак не мог вздохнуть. Казалась, это агония.

– Боже мой, взлетайте же! – крикнул кто-то.

У меня изо рта показалась красная жидкость с соленым привкусом. Шум вертолета смешивался с моим хриплым, судорожным дыханием. Глаза застилал красный туман. Наконец этот кошмар прекратился. Все погрузилось в блаженный мрак.

Центр управления кораблем почему-то был белым белым.

– Мы уже затормозили? – спросил я. – Тогда вычислите курс к орбитальной станции.

– Все хорошо, сэр.

Гардемарин должен был сказать: «Есть, сэр». Что еще можно ответить на прямой приказ капитана? Ну что ж, придется этого салагу выпороть. Порка хорошо прочищает мозги таким разгильдяям. А может быть, мы все еще летим со сверхсветовой скоростью?

– Я не приказывал тормозить! – Почему-то это было сказано шепотом, а ведь я хотел рявкнуть, да так, чтоб запомнилось! А что это на мне? Во что я завернут? Брезент?

– Мы на поверхности планеты, сэр. Вы в госпитале.

А откуда взялся Алекс? Он же улетел на Надежду с адмиралом Тремэном?

– Когда мы успели прилететь? – прошептал я. – Ведь мы только что вышли из сверхсветового полета.

– Это было несколько недель назад, сэр.

Господи, как же больно в груди! Я провалился в сон.

Вокруг меня мельтешили неясные образы. Уолтер Дакко – старшина корабельной полиции на «Дерзком», а потом на «Гибернии». Эдди Босс, беспризорник, зачисленный мною на службу. Анни Уэллс с встревоженным лицом. Даже Филип Таер явился ко мне, но сидел рядом недолго – только до тех пор, пока я не вспомнил, что он давно погиб.

Под действием успокаивающих лекарств я то и дело проваливался в сон. Изредка я просыпался и видел над собой лица врачей и медсестер. Боль не утихала.

– Инфекция распространяется, – слышался тревожный голос.

– Наверно, придется заменить ему легкое.

Возле меня совещались два доктора. Я видел их как в тумане. Лекарства снова взяли свое: потолок поплыл. Как я ни старался не засыпать, ничего из этого не вышло.

Офицер, сидевший напротив меня за столом, быстро отвел взгляд от моего лица, изуродованного лазерным ожогом. Ничего, к этому я уже привык.

– Вы знаете, где находитесь? – спросил он. Дыхательная трубка находилась в моем горле довольно долго, поэтому говорить мне все еще было трудно.

* * *

– В госпитале Централтауна, – ответил я. На столе была прикреплена именная табличка, которую я тут же прочитал. – А вы – психотерапевт доктор Тендрес. – Я кашлянул, в груди на мгновение снова вспыхнула боль.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся он. – Эти формальности необходимы лишь для того, чтобы выяснить, не пострадала ли ваша психика. Назовите ваше полное имя.

– Николас Эвин Сифорт, капитан Военно-Космических Сил ООН. Мне двадцать три года. Офицерский стаж – шесть лет.

– Что еще вы помните из того, что было с вами до вашего последнего полета?

– Я командовал «Порцией». Она входила в состав эскадры, летевшей под руководством адмирала Тремэна к планете Надежда. После нападения на наш корабль космических чудищ умер мой сын. Вскоре я потерял и жену. Ее звали Аманда. Потом нам встретился флагманский корабль «Дерзкий». Его сверхсветовой двигатель был выведен из строя космическими рыбами. Тремэн переправил своих пассажиров на «Порцию», а меня заставил пересесть на «Дерзкого». На этом неисправном корабле он оставил стариков и беспризорников. Я поклялся отомстить за это Тремэну. Поклялся вызвать его на дуэль. Остальное вы знаете.

– Расскажите.

Мое горло болело, хотелось закончить этот допрос поскорее, поэтому я постарался быть лаконичным:

– Когда Тремэн смылся на «Порции», на нас снова напали рыбы. Наши последние лазерные пушки вышли из строя. Отбивать нападение рыб стало нечем. Тогда, израсходовав остаток ракетного топлива, я направил корабль на самую большую рыбину. Так получилось, что именно в тот момент, когда «Дерзкий» воткнулся в нее, она нырнула в сверхсветовой режим. Мы следовали вместе с ней несколько недель, голодали. Рыбина всплыла в Солнечной системе вблизи Юпитера. – Я умолчал о том, что в этом злосчастном полете стал клятвопреступником.

– Ваша память, как видно, не пострадала, Сифорт. Вам известно, сколько времени вы провели здесь, в госпитале?

– Мне сказали, что три недели. – Наверно, моя «Гиберния» уже улетела с другим капитаном. Я потерял ее. Она была моим домом.

– Большую часть этого времени вы бредили или спали под воздействием лекарств.

– Знаю. Мне вырезали легкое и вставили новое.

– Верно. Пока ваш организм ведет себя хорошо. Отторжения не наблюдается. Естественно, вам давали специальные лекарства. Вы знакомы с терапией, применяемой после пересадки органов?

– Немного, – кивнул я. – Мне придется принимать эти лекарства целый месяц. Только тогда отторжение нового легкого не произойдет.

– Правильно. Это довольно заурядная и хорошо отработанная операция, пересадка легкого. Причин для волнения нет. Все будет хорошо, – успокоил меня доктор.

Я потрогал повязку на боку. Когда же меня выпишут из госпиталя? Когда я смогу вернуться на службу? Разрешит ли мне Де Марне снова командовать кораблем?

– Вы слишком многое пережили за последние годы, Сифорт. Вас по-прежнему мучают ночные кошмары? – осведомился Тендрес.

– Какие кошмары вы имеете в виду? – Может, мои навязчивые сны? Они повторяются с пугающей регулярностью вот уже несколько лет подряд. Не занесены ли они в мое больничное досье? Чаще всего мне снилось, как мы с отцом идем от железнодорожной станции к военной Академии. Вот и ворота. Раньше я выезжал из своего родного города Кардиффа только на каникулы, а теперь мне предстоит жить в казарме. Отец берет меня за плечи, поворачивает к

воротам Академии, слегка подталкивает вперед. Я вошел во двор, обернулся, чтобы помахать отцу на прощанье рукой, но он уже уходит, не оглядываясь. А мне всего лишь тринадцать лет.

Это не просто сон, именно так и произошло однажды в действительности. Таков мой отец. Он всегда был ко мне строгим.

Возможно, в истории болезни записан и другой мой кошмар: ко мне в каюту являются мертвецы Туак и Рогов. Когда-то я приказал повесить их как бунтовщиков.

О других моих сновидениях доктору вряд ли известно.

– Расскажите о ваших кошмарах, – попросил доктор Тендрес.

– Они случаются редко.

– Вам пришлось повидать много смертей.

Эту фразу доктор произнес бесстрастным голосом. Было непонятно, что он обо всем этом думает.

– Пришлось, – эхом повторил я. Это правда. Смертей я насмотрелся больше чем достаточно.

– Вы сильно переживаете, вспоминая прошлое?

– Вы имеете в виду убийства?

– Не только.

Я задумался. Что ему на это ответить?

– Знаете, я нарушил клятву, – промолвил я наконец.

– Это вас беспокоит?

– Беспокоит?! – возмутился я, приподнялся с кресла на колесиках, но боль тут же посадила меня обратно. Назвать мое страшное горе беспокойством! Как этот еретик осмелился употребить такое легкомысленное словечко?!

Клятва – священна! Так учил меня отец. Клятва – это обещание самому Господу Богу. А я ее нарушил. Никто меня не заставлял, я нарушил клятву по собственной воле. Я погубил свою душу, обрек ее на вечные муки в аду. Теперь меня не спасет ни раскаяние, ни епитимья, даже самая жестокая. Моя жизнь превратилась в ожидание ада.

Да, это меня беспокоит.

Даже если свершится чудо и всемилостивый Господь Бог простит меня, все равно я останусь человеком без чести, человеком, слово которого не стоит ломаного гроша, останусь корыстолюбцем.

– Ничего, я уже привык к этому, – ответил я доктору. Такие вещи он должен понимать без объяснений. А если не понимает, тогда нет смысла тратить слова. Все равно не поймет.

* * *

– Вы только на него посмотрите! Опять спит!

Знакомый голос с подчеркнутым испанским акцентом вывел меня из дремы.

– Привет, Анни. Не коверкай язык, – по привычке проворчал я, хотя прекрасно знал, что она нарочно меня поддразнивает.

– Тебе уже лучше? – Она была прелестна в новом обтягивающем комбинезоне небесно-голубого цвета, хотя он, пожалуй, был ей все-таки тесноват. Анни стала модницей, изменила прическу.

– Да, лапочка, – ответил я и с болью вспомнил, что скоро нам придется расстаться. Она улетит на Украину.

– Отлично. – В награду за мое хорошее поведение она чмокнула меня в лоб. Большого она себе не позволяла, чтобы ненароком не вызвать у меня проблемы с дыханием. Усевшись в кресло рядом с кроватью, Анни принялась весело щебетать:

– Я недавно прошвырнулась по магазинам. Смотри! – Она вывалила мне прямо на живот содержимое своей сумки.

Конечно, это были тряпки, вернее белье, как нижнее, так и верхнее. Легкое, тонкое, полупрозрачное, как паутина. Одним словом, синтетика, правда не обычная. Последний писк моды: этот материал меняет цвет, а порой и прозрачность в зависимости от состояния кожи, открывая и тело, и эмоции.

– Такое белье – не для меня, – проворчал я.

– Представляю тебя в этом на капитанском мостике! – хихикнула Анни.

Осторожно, преодолевая боль, я приподнялся. Этим утром мне разрешили часок погулять по коридорам. Усталость с тех пор еще не прошла. Я взял Анни за руку и снова лег. Стоило ли мстить Тремэну, если я потерял здоровье, корабль и хорошее отношение адмирала Де Марне?

Нельзя поддаваться слабости. Конечно, стоило. Сколько бед обрушилось на головы экипажа и пассажиров «Дерзкого», когда Тремэн бросил нас на произвол судьбы! Из-за Тремэна погиб Филип Таер, тараня космической шлюпкой чудище-рыбину. Я обязан был отомстить Тремэну.

– О чем задумался, Никки?

Ласковый голос Анни выдернул меня из тяжелых воспоминаний.

– Просто так, лапочка, – улыбнулся я. – Все хорошо.

Я так долго сверлил юного лейтенанта взглядом, что бедняга задергался. Я отвернулся. За что же я на него злюсь? В конце концов, его вины в этом нет. Он всего лишь честно передал мне приказ. Из угла больничной палаты на меня тревожно смотрела Анни.

– Ладно, – проворчал я. – Куда меня направят?

– Пока вы будете на планете, сэр. В Сентралтауне. Больше Де Марне ничего не сказал.

Я еще раз перечитал приказ, прежде чем захлопнуть электронный блокнот: «Переведен в запас до полного выздоровления...». Что ж, придется пока поскучать. Сам виноват. А чего еще можно было после всего этого ожидать? Откажись я от мести – не пришлось бы мне проводить столько времени в госпитале, сдерживаясь из последних сил, чтобы не кашлять. От кашля может сместиться мое новое легкое. Особенно мне не понравилось в приказе следующее: «...и полного восстановления психики». Под приказом стояла подпись самого Джорджеса Де Марне.

– Хорошо, лейтенант. Спасибо, – поблагодарил я.

С видимым облегчением он отдал честь и вышел.

Я застрелил приятеля адмирала Де Марне. Не потому ли он списал меня в запас? Де Марне слывет честным, благородным человеком, но все же...

Нет! Де Марне здесь ни при чем. Все дело в моей собственной тупости. Зачем я так небрежно и раздраженно отвечал на вопросы доктора Тендреса? Надо было изобразить хорошее настроение, утаить свои ночные кошмары. А я, дурак, разоткровенничался. Из-за этого меня и списали на берег.

Зато я не опорочил себя враньем старшему офицеру. Это то небольшое, чем мне можно гордиться. Хотя бы в этом честь моя не пострадала. Эти ее остатки надо сохранить во что бы то ни стало, пусть даже ценою карьеры.

– Лапочка, нам добавили времени. Ты рада? – улыбнулся я.

Широкая улыбка Анни была красноречивее любых слов. Когда ее увезут на Окраину? Не сговариваясь, мы строго следовали правилу не говорить о предстоящей разлуке.

Вдруг распахнулась дверь.

– Чему вы так улыбаетесь, сэр? – с ходу спросил Алекс. – А, мисс Уэллс! Добрый день.

– Мне продлили отпуск, Алекс, – сообщил я и потянулся к рубашке.

– На сколько?

– На некоторое время. – Я не спеша начал одеваться. – До полного выздоровления. Мне нужно жилье. Может, вы вдвоем подыщите мне что-нибудь? – Анни освободила снятую мною квартиру сразу, как только выяснилось, что я проваляюсь в госпитале несколько недель.

– Конечно, сэр, – ответил Алекс. – Если мисс Уэллс готова, мы начнем поиски сегодня же.

– Ты что, забыл мое имя? – с обиженной надменностью и испанским акцентом произнесла Анни. – Никогда больше не называй меня мисс Уэллс. Я готова, мистер Тамаров. – Анни схватила свой свитер, прошествовала к двери, грациозно обернулась. – До скорой встречи, Ник. Увидимся после ужина. – Ее произношение вновь стало идеальным. Гордо вскинув голову, она вышла из палаты.

Алекс виновато пожал плечами.

– Извините, сэр, – пробормотал он и поплелся за Анни.

Как ему удалось упросить начальство, чтобы его назначили моим помощником на время выздоровления? Впрочем, валяться в койке мне осталось не так уж и долго...

А может, он вовсе не просил? Ему просто приказали? В самом деле, зачем ему по доброй воле тратить время на такого недостойного типа, как я?

– Знаешь, сколько больших кораблей в этой системе? Тридцать восемь! И ни один из них пока не заметил рыб, – говорил капитан Дражинский, мрачно созерцая закат.

Я отвел взгляд от вечернего неба, с досады сжал полоску балконных перил. Не будь дуэли с Тремэном, у меня тоже был бы свой корабль!

– Это плохо? – осведомилась Анни.

– В полете вы имели несчастье столкнуться с этими кровожадными чудовищами, мадам, поэтому должны понимать, что их отсутствие вокруг Надежды для нас хорошо, – терпеливо объяснил ей Дражинский. – Плохо другое. Мы не можем держать здесь огромный космический флот бесконечно. Может быть, рыбы больше не нападут.

Я отхлебнул несколько глотков холодного коктейля. Алкоголь приятно жег рот. Все-таки пребывание на поверхности планеты имеет свои преимущества. В полете наркотики и спиртные напитки запрещены.

– В самом деле, просто удивительно, как Адмиралтейство решилось так долго держать здесь огромный флот, – согласился я. Пока я лежал в госпитале, прибыло еще две эскадры в дополнение к эскадре Тремэна. Адмирал Де Марне получил в свое распоряжение такую огневую мощь, какая не сосредоточивалась вокруг одной планеты много десятилетий.

– Рано или поздно мы будем вынуждены улететь, – развивал свою мысль Дражинский. – Мы не можем надолго оставить без надежной защиты Солнечную систему. Кроме того, жестоко страдает межзвездная торговля.

Дело в том, что из-за космических рыб грузы на дальние планеты стали доставляться военными кораблями. Их и без того меньше, чем торговых, а теперь из-за Надежды количество торговых рейсов сократилось катастрофически.

Кстати, по этой же причине Анни все еще оставалась со мной. В прежние времена от Надежды к Окраине безбоязненно мог отправиться один-единственный корабль, но теперь из-за рыб на такой риск начальство не пошло. А целую эскадру ради беспризорников никто не пошлет.

Алекс и Анни нашли мне квартиру на окраине Сентралтауна в одном из густонаселенных кварталов. С балкона вдали угадывался Широкий океан. Когда-то недалеко от этого дома снимала квартиру моя жена Аманда. Кажется, это было давно-давно, в иной жизни.

– Какая у вас замечательная компания, мистер Сифорт, – воскликнула капитан Де Вро.

– Спасибо, мадам, – улыбнулся я ей в ответ.

К моему удивлению, моя квартира стала для многих офицеров чем-то вроде уютного прибежища. Гости валили валом, выпивали и закусывали, мои сбережения таяли, но я не считал денег. Зато гости приносили мне свежайшие новости. Лейтенантам и капитанам нравились эти

сборища еще и потому, что можно было не особенно стесняться в выражениях. Штатских-то не было. Конечно же, привлекала гостей и моя добрая Анни. Она была сама непосредственность.

Я глубоко вздохнул. Боли уже не чувствовалось.

– Но мы ни разу не находили рыб сами. Наоборот, рыбы отыскивали нас, – продолжил я разговор с капитаном Дражинским.

– Знаете, сэр, – вступил в разговор юный самоуверенный лейтенант с корабля «Непоколебимый», – вот вы утверждаете, что рыбы чувствуют работающие сверхсветовые двигатели. Но тогда бы они уже кишели около этой планеты.

– Это было всего лишь предположение, – пробормотал я. – Кроме того... Забыл, как вас зовут?

– Лейтенант Тер Хорст, сэр, – испуганно представился он. Я хорошо понимал его состояние. Правда, я никогда не был лейтенантом, но помню благоговейный страх, который испытывал перед любым капитаном, когда был гардемарин. Более того, в представлении этого молоденького лейтенанта я запросто разговаривал если не с самим Господом Богом, то по крайней мере с адмиралами, поэтому одно мое слово могло сломать ему всю карьеру.

– Так вот, мистер Тер Хорст, мы не знаем, сколько времени нужно рыбам, чтобы прилететь на сигналы сверхсветового двигателя. Возможно, они уже летят к нам.

– Так точно, сэр, – отчеканил лейтенант.

– Напрасно вы меня боитесь! – выпалил я. – Я не бью младших офицеров. По крайней мере, сейчас, когда я не службе.

– Простите, сэр. – Бедняга силился улыбнуться, но неудачно. – Мы готовы отбить их атаку. Тридцать восемь кораблей, вооруженных лазерными пушками, справятся с чудищами без труда. Пусть только попробуют пробить нашу блокаду.

– Это не блокада, – сердито поправил его Дражинский. – Наши корабли рассредоточены по всей округе. Мы защищаем не только Надежду, но и торговые и промышленные корабли. Вы обязаны это знать. Десять кораблей защищают орбитальную станцию. Этот объект крайне важен, его надо сохранить во что бы то ни стало.

Конечно, надо. Наши огромные межзвездные корабли не способны самостоятельно взлетать с поверхности планеты. Слишком велика сила тяжести. Наши корабли по сути являются городами и складами, бороздящими необъятные просторы космоса от звезды к звезде. Эти полеты длятся по многу месяцев. При подлете к планете такой гигантский корабль причаливает к орбитальной станции, где и происходит разгрузка. Там же высаживаются пассажиры. На поверхность планеты они доставляются относительно небольшими шаттлами, а межзвездные корабли так и остаются в космосе.

Если орбитальная станция и ее шаттлы погибнут, то с планетой корабли смогут общаться лишь при помощи маленьких космических шлюпок. Эта ниточка не сможет обеспечить доставку грузов. Межзвездная торговля замрет.

– Тем не менее, сэр, у нас достаточно сил, чтобы выдержать любую атаку, – настаивал лейтенант Хорст.

– Будем надеяться, – согласился я. Мне, конечно, хотелось быть наверху, но частичка моей души была довольна временной отставкой. При воспоминании об ужасных шарах, которыми рыбы расплавляли крепкую броню моего корабля, меня бросало в дрожь. Я отвернулся, чтобы не выдать своей трусости. Вдруг она написана у меня на лице?

Между тем капитан Дражинский продолжал разговор с лейтенантом.

– Вы, кажется, прилетели на «Непоколебимом»? Так-так... Ваш корабль не сталкивался с рыбами?

– Пока не сталкивался, сэр, – подтвердил Тер Хорст.

– Позвольте напомнить вам, сэр, что вы в гостях у Николаса Сифорта, капитана «Гибернии». Раньше он командовал «Порцией», потом «Дерзким». Ему трижды пришлось отбивать

нападения рыб. Он был первым человеком, увидевшим этих тварей, так что ваши советы ему не нужны.

Лейтенант Тер Хорст так оробел, что на него было жалко смотреть.

– Простите, пожалуйста, капитан Сифорт, – замямлил он, – сам не знаю что болтаю.

Упрек капитана Дражинского юному лейтенанту был слишком суров, но я постарался не выдать своего раздражения. Все-таки Дражинский мой гость и к тому же старше меня.

– Ничего, лейтенант, – успокоил я беднягу, – я вижу, вы рветесь в бой, это похвально. –

Лейтенант Тер Хорст смущенно ретировался, а я повернулся к Дражинскому:

– Спасибо, сэр, но вы зря обо мне беспокоитесь. Я уже практически выздоровел.

– Хотелось бы надеяться. К сожалению, слухи об этом ходят совсем другие.

– А что за слухи? – любопытствовал я.

– Поговаривают, будто вы дошли до крайней степени нервного истощения. Именно это послужило причиной вашей временной отставки.

В этом момент в комнату вошла Анни.

– Ужин готов, Ник, – объявила она. Слава Богу! Ее появление избавило меня от необходимости придумывать благовидный ответ.

– Тебе надо поговорить с адмиралом, – посоветовал Дражинский.

Возможно, такой разговор действительно не помешает. Но допустят ли меня к адмиралу Де Марне? Я уже дважды пытался к нему пройти.

Наверно, ужин был превосходным, но я, поглощенный своими мыслями, этого не заметил.

– Раньше здесь этого не было, – показал я на сборный домик на другой стороне улицы. Со времени моего прошлого визита на эту планету здесь много чего понастроили.

– Чем больше домов, тем лучше, – передернула плечами Анни. Я крепче сжал ее руку. Мы шли к космодрому, за которым располагалось местное Адмиралтейство. Бедная Анни выросла в трущобах Нижнего Нью-Йорка, где открытое пространство было опасным. Беспорядники прятались в развалинах домов. – А почему ты показал именно на это место?

Когда-то на месте этого домика были заросли, в которых Алекс Тамаров прятал двух кадетов. Но зачем об этом рассказывать Анни? Это относится к моей прошлой жизни, не имеющей ничего общего с настоящей.

– Просто так, лапочка, – ответил я.

По пути нам встретился судья Чесли. Может быть, он и узнал меня, но не подал виду. Ну и пусть. Я уже смирился со своим уродством.

Как мне будет не хватать Анни, когда беспорядников увезут! Власти Централтауна будут рады избавиться от этой дикой орды, уже доставившей городу столько неприятностей. А пока большая часть беспорядников живет в специальном лагере на краю города.

Я открыл стальную дверь Адмиралтейства. Два лейтенанта отдали мне честь. Я автоматически им ответил, мысли мои были заняты предстоящим разговором.

– Слушаю, сэр, – сказал один из лейтенантов.

– Мне бы хотелось поговорить с адмиралом Де Марне.

– Он приглашал вас, сэр?

– Нет.

– Не знаю, сэр, могу ли я вас впустить. Адмирал постоянно мотается на шаттле к орбитальной станции и обратно, бывает здесь нечасто, поэтому к нему на прием выстроилась большая очередь офицеров. Вы капитан Сифорт, сэр? – Очевидно, он узнал меня по безобразному пятну во всю щеку. Нужно ли после этого предъявлять удостоверение?

– Да.

– Я лейтенант Эйфертс. Рад вас видеть. Подождите, пожалуйста, в кресле, пока я доложу адмиралу.

– Спасибо. – Я с блаженством растянулся в кресле. Долгая прогулка по Сентралтауну меня совсем измотала. – Садись, Анни.

Я достал из кармана электронный блокнот и начал просматривать записи.

– Мистер Сифорт? – окликнул меня капитан Форби. – Вы пришли на собрание?

– Нет. Я хотел бы поговорить с адмиралом Де Марне.

– Разве Эйфертс не сказал вам, что адмирал вас не примет?

– Адмирал очень занят?

– Знаете, я могу попробовать уговорить его принять вас, но не уверен, что что-то получится. Это зависит от того, в каком он сейчас настроении. Пошли. – Он посмотрел на Анни, коснулся кончиками пальцев своей фуражки. – Рад видеть вас, мисс Уэллс.

Анни осталась ждать в кресле, а мы с капитаном Форби поднялись по лестнице, застеленной красным ковром, и по отделанному панелями коридору прошли в его кабинет. В мой прошлый визит на Надежду кабинет у Форби был меньше. Оставив меня, Форби пошел к адмиралу.

Вскоре кто-то приоткрыл дверь и заглянул в кабинет.

– Простите, сэр. Гардемарин Берзель, – представился он. – Адмирал приглашает вас к себе.

– Хорошо. – Я последовал за юным гардемарином по коридору.

Приемная адмирала была битком набита офицерами. Некоторых я узнал. На их лицах отразилось удивление: неужели я уже вернулся на службу? Если не вернулся, то почему адмирал принял меня без очереди?

Гардемарин постучал и открыл дверь адмиральского кабинета. Войдя, мы оба вытянулись по стойке смирно.

– Капитан Сифорт, сэр, – доложил гардемарин, заметно волнуясь.

– Вольно, Берзель. Вы свободны, – сказал Де Марне, поднимаясь из-за стола. – Здравствуй, Сифорт. Вольно. – Он протянул мне руку.

– Благодарю за приглашение, сэр, – ответил я, пожимая ему руку.

– Тебе следовало бы записаться ко мне на прием, – упрекнул он с нотками раздражения.

– Знаю, сэр, я пытался. Несколько раз.

– Разве тебя не уведомили, что у меня нет времени для разговора с тобой?

– Я надеялся, что не слишком побеспокою вас.

– Но все-таки побеспокоил. – В пристальном взгляде адмирала не было радости, но не было и враждебности. – Ладно, садись. Чего ты хочешь?

– Корабль, сэр.

– Нет.

– Хотя бы верните меня к активной службе. На любую работу.

– Нет.

– Можно узнать почему, сэр?

– Нет.

– Есть, сэр. – Я понял, что мне конец. Из Военно-Космических Сил меня фактически выгнали, а ни для чего другого я не гожусь.

Но Де Марне вдруг смягчился:

– Ты еще не выздоровел, Сифорт. Слишком много ты повидал смертей. И сам слишком долго был на краю гибели.

Это верно. Я смотрел смерти в лицо даже чаще, чем предполагал адмирал. Большинство этих бед я навлек на себя по собственной глупости.

– Я уже достаточно окреп, сэр, – возразил я, – Мы пришли сюда пешком через весь город.

– Мы? – удивился Де Марне.

– Я и мой друг, сэр.

– А, понятно. Это хорошо. Но восстановление физических сил не означает полного выздоровления. Ты, Сифорт, пережил слишком много стрессов. Ты прошел через столько трагедий, столько катастроф... Этого хватило бы на нескольких человек. Пока ты еще не годен к службе.

– В каком смысле? – спросил я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

– У тебя слишком расшатаны нервы, Сифорт.

– Чушь! – выпалил я и тут же пожалел о своей несдержанности.

Но адмирал пропустил мимо ушей эту дерзость и продолжал:

– Ты настолько задавлен тяжелыми воспоминаниями, что не мог поделиться ими даже с психологом. Что, если ты окончательно свихнешься в полете? Ты можешь ввергнуть корабль в беду, можешь покончить жизнь самоубийством, как это сделала твоя жена.

– Это нечестно! – вскричал я. – Аманда была не в себе. Она потеряла ребенка...

– Ты тоже не в себе, но не сознаешь это, – перебил меня Де Марне.

– Нет! Я все сознаю! Я...

– Посмотри на себя! – рявкнул адмирал, поднимаясь на ноги. – В твоих глазах сумасшедший блеск! Твои кулаки сжаты, а ты этого даже не замечаешь! Ты отдаешь себе отчет, каким тоном разговариваешь со мной?

Словно обухом по голове! Я ошарашено молчал.

– Ты уже сделал столько, сколько другим и не мечталось, – спокойнее заговорил адмирал. – Хватит с тебя заслуг. Я не хочу, чтобы тебя в конце концов заперли в сумасшедшем доме. Ты заслужил отдых, Сифорт. Отдыхай.

Я чувствовал себя раздавленным, не смел вымолвить ни слова. Наконец я прошептал:

– Я не могу долго слоняться без дела, сэр. Пожалуйста, дайте мне работу. Любую.

– Если ты сумеешь получить разрешение у доктора Тендреса, я подыщу тебе работу на этой планете. Позже мы подумаем, можно ли доверить тебе корабль. Все.

Я открыл было рот, но вовремя сообразил, что сейчас лучше не возражать, – это обернется против меня. Поэтому я отдал честь и поплелся вон из кабинета.

Обратная дорога к моей квартирке показалась мне бесконечной: мимо космодрома, мимо стандартных домиков, мимо баров и ресторанов, контор и жилых зданий.

* * *

Поначалу Анни пыталась о чем-то болтать, но мой мрачный вид и невежливые ответы заставили ее замолчать.

– Извини, дело не в тебе, – пробурчал я, прижимая большой палец к считывающему устройству замка, когда мы добрались наконец до двери.

– Черт бы тебя побрал! Тогда почему ты дулся на меня всю дорогу? – возмутилась она. Я вымученно улыбнулся:

– На ком же еще мне срывать свою злость?

– Он вернет тебя на работу?

– Да, если разрешит психолог.

– Значит, теперь тебе придется идти к психологу?

Опять этот психолог! Может, наврать ему ради спасения карьеры? Или сказать правду и навсегда потерять космос?

– Конечно, лапочка, – ответил я. – Позвоню ему завтра.

Анни принялась шуровать в холодильнике, выискивая что-нибудь подходящее для ужина. Я без сил плюхнулся в легкое кресло.

– Ты боишься идти к нему. Мой Никки, оказывается, не такой храбрый, как мы думали. – Анни положила снесь в микроволновую печь и приказала встроенному компьютеру:

– Две минуты грей, потом еще минутку покипяти.

Затем она попыталась меня обнять.

– Я никогда не был храбрецом, – проворчал я, отстраняя ее руки. Мне было не до нежностей.

– Значит, ты не был крутым? Тогда обещай мне, что не будешь звонить доктору несколько дней.

– Какому доктору? Почему?

– Психическому. Обещай!

– Но я...

Однако она уже устроилась у меня на коленях, поцелуем закрыла мне рот, а рукою ласкала грудь, постепенно спускаясь ниже и ниже.

– Но у тебя готовится ужин... потом... – залепетал я.

– Обещай!

3

Через четыре дня я пошел в госпиталь. Он был еще дальше от моего дома, чем Адмиралтейство, и я чертовски устал. Я щурился под ослепительным местным солнцем, старался идти помедленнее, но все равно вышагивал как какой-нибудь гардемарин в Академии и пришел на целый час раньше назначенного доктором времени. Может, я и впрямь ненормальный?

В комнате ожидания я нашел на столике крошечные дискеты, вставил одну из них в свой электронный блокнот и начал просматривать земные журналы. Они были относительно свежими, двухлетней давности, а значит, их доставили сюда всего восемь месяцев назад.

– О вас написано в передовой статье, мистер Сифорт, – раздался рядом женский голос. Я поднял глаза. Это была медсестра.

– Простите, я не...

Но экзальтированная медсестра не слушала моего смущенного лепета.

– Эта статья сразу после рекламы, переверните страницы с объявлениями, – объяснила она.

Я пролистал на экранчике несколько страниц и, к своему ужасу, увидел собственный портрет. Какое изможденное лицо!

– Я не искал эту статью, – начал оправдываться я, – просто хотел...

– Вначале о вас писали во всех журналах! – стрекотала медсестра, не давая мне вставить и слова. – Герой орбитальной станции планеты Майнингкэмп, спаситель «Гибернии» и так далее. Потом эта шумиха затихла. – Я выключил блокнот, а она, непрестанно улыбаясь, продолжала тараторить:

– А когда вы отбились от рыб и спасли «Дерзкий», журналы пуще прежнего разразились статьями о вас. «Голоуик» назвал вас самым престижным женихом, которого не портит даже ожог.

– Бог мой, что вы несете, – пробормотал я, неуклюже встал и уронил на столик блокнот.

– Если вы собираете вырезки о себе, мистер Сифорт, то мы можем вам помочь...

– Нет! – поспешно крикнул я.

– Привет, Сифорт, – выглянул из кабинета доктор Тендрес.

– Спасибо, мисс... э... мисс. Спасибо за указание... то есть за предложение, – замямлил я, вконец растерявшись, и улизнул от нее в кабинет доктора.

– Как вы себя чувствуете? – бодро спросил он. Шторы в кабинете были подняты, но стол доктора стоял в тени.

– Гораздо лучше, – ответил я, присел на стул прямо перед столом и положил фуражку на колени.

– Вам все еще снятся кошмары?

– Уже нет. – В последние дни мне и вправду ничего не снилось. По ночам я был занят совсем другим, так что мне было не до сна.

– Расскажите о ваших кошмарах.

Я вспомнил, что этот же вопрос доктор задавал мне несколько недель назад. Тогда я отказался отвечать, но это оказалось ошибкой. Я набрал в грудь воздуха и начал выкладывать:

– В одном из кошмаров отец приводит меня в Академию. Вы знаете, это записано в истории болезни. Иногда мне снятся люди, которых я убил: Туак, Рогов и другие. Они приходят ко мне во сне, чтобы отомстить. Иногда снится мое жестокое обращение с Филипом Таером. Он погиб лейтенантом, когда на «Дерзкий» напали космические рыбы.

– Вы сильно переживаете?

– Что касается мистера Таера... Пожалуй, я был к нему несправедлив, причинил ему слишком много страданий. Теперь я раскаиваюсь. А что касается других... – Я задумался, пытаюсь ответить честно. – Не знаю. Понимаете, я вынужден был их казнить.

– Вы очень хотите снова командовать кораблем?

– Да, очень, – тут же выпалил я.

– Тогда вы должны рассказать мне всю правду.

– Все, что я сказал, чистая правда.

– Верю. Но может быть, это лишь часть правды? – Он встал, подошел к окну, сцепил руки за спиной. – Что вы думаете о самом себе?

Пришлось встать и мне.

– Сэр, я обязан отвечать на этот вопрос? – спросил я, терзая свою фуражку.

– Вам тяжело об этом говорить? – Он обернулся и посмотрел мне в глаза.

– Не то слово. Мучительно. – Я с трудом, но заставил себя выдержать его взгляд.

– Вы не обязаны отвечать. Я прошу вас только об одном: или говорите правду, или вообще не говорите. Я медленно осел на стул.

– Ладно. – Я собрался с духом и заговорил:

– Я считаю себя бестолковым. Я не сумел выполнить свой долг как следует. Из-за меня пострадало множество людей и моя душа. Я знаю, что начальство придерживается другого мнения, но мне-то правда известна.

– О каких страданиях вы говорите?

– О боли, смерти, проклятии.

Последовало долгое молчание. Наконец я понял, что доктор ждет от меня более вразумительного объяснения, и продолжил:

– Я причинил много зла людям. Некоторые погибли, потому что я не принял вовремя надлежащих мер. Всего этого можно было избежать. Кроме того, я сам себя обесчестил и погубил свою душу.

– Вы имеете в виду клятву?

– Конечно. – Я постарался заглушить в себе раздражение. Если доктор не понимает меня, то я должен объяснить так чтоб он понял. – Я застрелил женщину, хотя поклялся не причинять ей вреда. Я сознательно дал эту клятву, чтоб получить возможность проникнуть в помещение, где забаррикадировалась та женщина, и застрелить ее. Как видите, я заранее знал, что нарушу клятву.

– Разве цель не оправдывала средства?

– Разумеется, я пошел на это не забавы ради. Мне надо было спасти корабль и всех людей на его борту. Адмирал Брентли и прочее начальство Адмиралтейства полагают, что спасение «Дерзкого» оправдывает мое клятвопреступничество. Но я считаю иначе. – Разумеется, Господь Бог тоже меня не оправдал.

– Нашей официальной религией является Церковь Воссоединения, все мы служим Единному Истинному Богу, но у нас до сих пор нет единого понимания воли Господней, – осторожно возразил доктор.

– Давайте не будем заниматься софистикой, – вспыхнул я.

– Это не со...

– Это ересь! – крикнул я.

Он замолчал. Я опомнился и тоже умолк.

Наконец он холодно сказал:

– Я не собираюсь обсуждать с вами теологические вопросы, капитан Сифорт. У меня другие задачи.

Я мрачно молчал, кляня себя за вспыльчивость. Теперь доктор не даст мне разрешения на полеты.

Гнетущая тишина действовала мне на нервы. Наконец я не выдержал.

– Простите, сэр, – сказал я как можно спокойнее. – Понимаю, что моя несдержанность расценена вами как лишнее доказательство моей профессиональной непригодности.

– Я расценил это как повышенную религиозность. – Доктор Тендрес сел за стол. – Как вы думаете: отразятся ли ваши грехи на вашей работоспособности?

– Погублена моя душа, но не способности к службе, – равнодушно ответил я. К чему теперь волноваться? Все равно к полетам мне уже не вернуться.

– Вы способны быть счастливым?

– Был однажды. Очень недолго.

– Когда?

– На борту «Порции», когда у меня были жена и сын. А потом они умерли.

– А сейчас?

– Сейчас – нет. Возможно, когда-нибудь я смогу испытывать нечто вроде удовольствия или удовлетворения, но это маловероятно.

– Давайте разберемся до конца. Какое у вас чаще всего настроение?

Я закрыл глаза и начал подыскивать честный ответ. Внимательно прислушавшись к себе, я обнаружил удивительную вещь.

– Не скажу, что я счастлив, но... знаете, я ощущаю какое-то внутреннее спокойствие, – признался я. – Я давно смирился с расплатой, которая меня ждет в аду, поэтому бедствия этой жизни меня не страшат. Они ничто по сравнению с будущими муками. Кроме того, теперь у меня есть... как бы это сказать... подруга. Все это меня утешает.

– Вы имеете в виду мисс Уэллс?

– Да, сэр. – Конечно, я не собирался выкладывать доктору, как именно Анни меня утешает. Мы почти трое суток провели в постели. Спокойные нежные ласки то и дело сменялись приступами яростной страсти... Недолгие сидения за кухонным столом, поглощение омлета, потом снова ванна, постель, ее губы, руки, судорожные движения бедер... И так до полного изнеможения, когда я наполовину в шутку, наполовину всерьез умолял ее дать мне умереть спокойно. Но она лишь лукаво улыбалась, снова прижималась ко мне, и все повторялось...

Я очнулся от сладостных воспоминаний, встрепенулся:

– Простите, доктор Тендрес, я немного задумался.

– Судя по вашему лицу, думали вы о чем-то чертовски приятном.

– Пожалуй, так, – улыбнулся я.

Доктор включил свой электронный блокнот.

– Я вижу, сейчас вы чувствуете себя лучше, – сказал он. – Еще три месяца отдохнете, мистер Сифорт, а потом будете снова летать.

– Три месяца? – скривился я. Вот до чего доводит честность! Сам виноват. – Мне бы хотелось получить корабль раньше...

– Нет, нет, – замахал он руками, – мистер Сифорт, не давите мне на психику. Три месяца – и точка.

– Офицером связи? – переспросил я. – На это я не гожусь.

– Почему бы и нет? Плантадоры вас уважают. С некоторыми из них вы познакомились еще в прошлый визит на эту планету, – настаивал адмирал Де Марне.

Я угрюмо уставился в ковер и пробормотал:

– Я действительно встречался с некоторыми плантаторами, но вряд ли они меня уважают...

– Богач Хармон Бранстэд и его брат Эммет, который был с вами на «Дерзком», всем своим знакомым поют о вас дифирамбы.

– Может быть, кое-что у меня и получается хорошо, сэр, но только не поддержка контактов с обществом, – упрямылся я.

– Никаких особых контактов от тебя не потребуется. Понимаешь, плантаторы хотят суверенитета, мечтают о собственном правительстве. Нам нужно внедрить в их среду человека, способного внимательно слушать. Ты будешь нашим осведомителем, вот и все. – Адмирал озабоченно взглянул на часы. – Короче говоря, это приказ. Отправляйся на задание.

– Сэр, может быть, вы все-таки подыщете мне другую работу?

– Черт бы тебя побрал, Сифорт! – загремел Де Марне. – Какого рожна тебе еще надо?! Я и так пошел тебе навстречу! Ты должен был сидеть без дела до конца года! – Он нервно побарабанил по столу пальцами. – Радуйся, что тебе удалось убедить доктора Тендреса в том, что ты не псих.

Я замолчал, ошарашенный его откровенностью.

В дверь кабинета постучали, вошел гардемарин и доложил, запинаясь:

– Сэр, радары «Непоколебимого» засекли едва уловимые сигналы непри... непонятного происхождения. Возможно, это рыбы.

– Хорошо, Берзель. Одну минуту. Итак, Сифорт, я не имею ничего против тебя. – Адмирал встал. – Придет время – и ты получишь корабль. Но вначале отдохнешь. – Он направился к двери, я за ним. – Мне надо лететь. Если это действительно рыбы... Кстати, забыл сразу сказать: возьми с собой помощника и водителя.

Несколько дней я безвылазно провел в своей квартирке, переживая обиду. Даже нежности и женские уловки Анни не улучшали моего дурного настроения. Лишь вопрос Алекса о его возвращении к прежним обязанностям вывел меня из депрессии.

– Можешь обращаться с этим вопросом к начальству в любое время, – ответил я, стараясь не выдать чувств.

– Спасибо, сэр. Теперь, когда вы полностью выздоровели, мне больше нечем вам помочь.

– Конечно. Ты знаешь, что меня отправили в длительный отпуск. Хочешь остаться со мной или вернуться на корабль?

– На корабль, разумеется.

– Хорошо.

– Знаете... я думал... – замямлил он, густо краснея.

– Не надо, Алекс.

– Я надеюсь, что вам дадут корабль и вы возьмете меня с собой.

– А, вот оно что... Извини, Алекс. Конечно, возьму. А пока мы можем провести отпуск вместе.

– Как скажете, – улыбнулся он.

– Сейчас в местном Адмиралтействе еще больше суеты, чем во время той ложной тревоги, так что не стоит ломиться туда со всякими пустяками. Организуем поездку сами. Де Марне разрешил мне взять шофера, но я думаю, мы прекрасно обойдемся без него.

– Извините за совет, но чем многочисленнее у вас будет команда, тем сильнее это впечатлит плантаторов.

– Ты думаешь? – Это обстоятельство для моего задания имело немаловажное значение. Я долго взвешивал все «за» и «против», наконец вздохнул и вынужден был согласиться:

– Ладно, закажи нам шофера.

Наутро я был готов к отъезду. От вертолета я отказался, чтобы не привлекать излишнего внимания, и решил обойтись электромобилем. Пока я прощался с Анни, Алекс сложил в нашу легковушку дорожные пожитки, карты, рации и на всякий случай палатку. У Анни оказалось довольно своеобразное представление о том, как следует прощаться влюбленным.

– Лапочка, мы уезжаем всего на несколько дней, – сказал я, переодеваясь. – Надеюсь, ты без меня не соскучишься?

– Я проведу эти дни веселее, чем ты думаешь, – ответила она, язвительно улыбаясь.

– Прекрати! – с напускной строгостью прикрикнул я, чмокнул ее в щечку и вышел из дома к электромобилю.

– Извините, что заставил себя ждать. Поеха... – я запнулся на полуслове, изумленно вытаращился на широко улыбающегося водителя, вытянувшегося передо мной по стойке смирно. Это был Эдди Босс! Тот самый громила, беспризорник Эдди Босс, которого я взял на службу на борту «Дерзкого» и назначил старшиной. – Как ты здесь оказался?

– Меня назначили вашим шофером, сэр, – радостно улыбнулся он, растягивая рот до ушей.

– Но ведь ты...

– Сам не знаю, как это получилось, сэр. Я служил на «Орленке», и вдруг мне пришел приказ спуститься на поверхность и стать вашим шофером.

– Это я попросил, чтоб прислали именно его, – объяснил Алекс. – В качестве сюрприза, – неуверенно добавил он, не в силах понять, что выражает моя ошалелая физиономия.

– Вот так сюрприз! – наконец улыбнулся я. – Вольно, Эдди. А ты умеешь водить электромобиль? – В Нижнем Нью-Йорке ему если и приходилось залезать в автомобили, то лишь в выброшенные на свалку.

– Ребята с «Гибернии» научили меня за время отпуска, сэр.

– Что ж, посмотрим, чему тебя научили, – сказал я, усаживаясь на переднее сиденье. – Лейтенант Тамаров, пристегнись на всякий случай.

– Есть, сэр!

Электромобиль сорвался с места.

Смотреть на карту пока не было необходимости – на запад к плантациям из Сентралтауна вела лишь одна дорога. Когда-то я по ней уже проезжал. Ее проложили по плодородному краснозему почти параллельно берегу моря. Через час езды асфальт закончился, дорога сузилась, колеса шуршали по гравиию.

– Вы по этой дороге ездили с Дерекком Кэрром? – спросил с заднего сиденья Алекс.

– Да, мы осматривали его фамильные владения. Мы тогда неплохо пообедали в ресторане гостиницы «Отдых шофера». Там такие громадные блюда, что может насытиться даже мистер Босс.

Эдди радостно ощерил свои редкие зубы.

Давным-давно Дерек и Алекс служили гардемаринами на «Гибернии». Там они подружались. А теперь Дерек летел к далекой Украине. Даже если он вернется целым и невредимым, все равно я с ним не увижусь, если получу корабль до его возвращения.

Потом за руль сел Алекс. Я тоже умел водить электромобиль, поэтому мы, меняясь, могли бы ехать весь день и даже ночь без остановок. Вдоль дороги тянулись заросли незнакомых кустов, за которыми просматривались группки деревьев. Раньше в поезде я наслаждался прекрасными видами, а теперь тишина местной природы казалась зловещей. Что же изменилось с тех пор? Неужели дело только во мне?

Минул полдень, а мы все еще были далеки от плантаций семейства Бранстэдов. Настала моя очередь сесть за руль. К вечеру вошел Минор, потом Мажор – вторая луна этой планеты. От фар деревья отбрасывали двойные тени. Иногда я посматривал на карту, пытаюсь понять, насколько мы углубились в обширные поля и сады, поставляющие на Землю значительную часть ее продовольственного импорта.

– Бранстэды ждут нас завтра. Не переночевать ли нам у первых попавшихся плантаторов? – предложил Алекс. – В гостинице нас примут с радостью.

– Знаю, – пробурчал я. Все плантаторы имели небольшие гостиницы, в которых жилье и пища предоставлялись путешественникам бесплатно. Таков был местный обычай. Обитатели этой щедрой планеты могли легко позволить себе такое гостеприимство.

Через час мы добрались до указателя с названием «Мантье». Это была одна из гигантских плантаций, которые составляют основное богатство планеты Надежда.

– Не люблю напрашиваться в гости в столь поздний час, – проворчал я, не зная как быть.

– Так будем останавливаться на ночлег или нет? – в упор спросил Эдди.

– Тебе слова не давали, – прикрикнул на старшину лейтенант Алекс.

Его резкий тон помог мне сделать выбор.

– Зачем нам возиться с палаткой сейчас, усталым и раздраженным? Лучше остановимся в гостинице, – решил я.

Я свернул на грунтовую дорогу. По сторонам колосилась пшеница, красиво отражая свечение двух лун. Наконец мы подъехали к лужайке перед шикарным особняком.

Залаяла собака, засветились окна. Вскоре вышел наспех одетый человек.

– Простите, не хотели вас разбудить, – сказал я ему.

– Тогда зачем вы подъехали к моему дому? – проворчал хозяин.

– Мы искали гостиницу.

– А вам не кажется, что сейчас уже ночь? – Все-таки он показал направление и буркнул:

– Там, за домом. Утром вам дадут завтрак, а потом проваливайтесь. – С этими словами он пошел обратно в дом.

Алекс закричал ему вслед:

– Это же капитан...

– Молчать! – приказал я и включил скорость.

– Капитан, гостиница находится в другой стороне, за домом...

– Слышал, что я сказал? – оборвал я Эдди Босса и погнал электромобиль к главной дороге.

– Если я правильно понял, мы не будем останавливаться на ночь? – осторожно спросил Алекс.

– Там слишком жарко! – рявкнул я.

– Чего?

– Ад еще не замерз. – Наступила тишина. Я мысленно проклинал себя и хозяина особняка, а мои спутники слишком хорошо знали меня, чтобы пикнуть хоть слово.

Я гнал машину на предельной скорости, пока наконец адреналин в моих жилах не рассосался. Однако чувство усталости осталось.

– Надо подыскать место для палаток, – объявил я.

Через полчаса я остановил машину у дороги. Мы вытащили сумки, начали устанавливать две легкие синтетические палатки. Это оказалось проще простого. Втроем мы быстро вбили в землю колышки, натянули почти невесомую, но прочную материю. Алекс вынул из холодильника банки со слабым коктейлем. Я с жадностью сделал несколько больших глотков.

– Мне ночевать в одной палатке с мистером Боссом? – спросил Алекс.

Я задумался. По традиции, лейтенанты не живут в одних каютах или квартирах с военными, не имеющими офицерского звания. Но лейтенант не должен жить и в одном помещении с капитаном. Нам надо было взять три палатки. Как же быть сейчас? Я невольно пожалел о былых временах. Все-таки хорошо быть гардемаринном! Тогда таких сложностей не возникало.

– Выбирай сам, – ответил я.

– Я бы... – Алекс помедлил и наконец нашел выход:

– Как скажете.

Я удивленно поднял брови, но сообразил, что в темноте моей мимики не видно.

– Присоединишься ко мне – возражать не буду, – сказал я.

– Если так, тогда... спасибо, сэр. – Он бросил свою сумку в одну из палаток. – Босс, устраивайся в другой палатке.

– Есть, сэр. – Эдди Босс удивленно смотрел вверх на незнакомые созвездия. – Никогда не спал на природе.

– Даже в Нижнем Нью-Йорке? – спросил я.

– Иногда спал на крышах. Но это совсем не то.

– Свежий воздух полезен, мистер Босс.

– Знаю.

Звездное небо потрясло Эдди. Он не мог на него налюбоваться.

Алекс развернул надувные матрасы, и они тут же автоматически надулись.

– Почти как в давние времена, – пошутил он. Очевидно, имелась в виду наша гардемаринская каюта на «Гибернии». Сколько же лет прошло с тех пор?

– И я об этом подумал, – признался я.

Мы устроились на матрасах, но сон не шел. Конечно, разговор пошел о прежних временах, о старых знакомых: Ваксе Хольцере, Дерекке Кэрре и Сэнди Уилски – которого уже не было.

– До сих пор не могу понять, как вы сумели выстоять в том поединке против Вакса Хольцера? – спросил Алекс. – Мне казалось, ему ничего не стоило разорвать вас напополам.

Да, этот бой запомнился мне на всю жизнь. Согласно традиции, гардемарины в Военно-Космических Силах сами решают, кто среди них будет главным.

– У меня было секретное оружие, Алекс, – ответил я.

– Какое?

– Не жалеть ни себя, ни других.

– Я почувствовал это на собственной шкуре, когда старшим гардемаринном стал Филип Таер.

– Извини, Алекс. Теперь я жалею, что слишком долго не вмешивался.

– Этим вы отличаетесь от других капитанов, сэр. Другие не признают своих ошибок.

– Тем хуже для меня. Я знал, что совершаю ошибку, но не остановился.

– Формально вы были правы. Филип был действительно старшим. А знаете, когда Тремэн выгнал вас с «Порции» на «Дерзкий», сложилась странная ситуация... Капитаном «Порции» стал Хэсселбрад. У корабля должен быть один командир.

– Конечно.

– Тремэн буквально вздохнуть не давал капитану Хэсселбраду, часами сидел на капитанском мостике. Бывало, капитан отдаст приказ, а Тремэн тут же его отменит. При всех. Каково это было Хэсселбраду? Мне почти жаль его.

– Почти?

– Он не возражал, когда Тремэн так поступил с вами.

– Никто из вас тогда не возражал, Алекс. Ты тоже!

– Нет! Мы хотели отстранить Тремэна! – выпалил он.

– Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь. Давай забудем об этом.

– Об этом нельзя забыть. – Голос его дрожал. – Вы совершили непростительную ошибку, не разрешив нам... Да, этого не исправишь. С этим можно только смириться.

– Дерек Кэрр ушел, его призвал к себе Господь, Вакс меня ненавидит. Ты остался моим единственным другом. Давай не будем ворошить прошлое, прошу тебя.

Наступила тишина. Вдруг Алекс сказал прерывающимся голосом:

– Знаете... Боже мой, как я за вас переживал!

4

Мы встали поздно, умылись в весело журчащем ручье, выпили горячего кофе, сложили вещи в электромобиль. За руль сел я. Через час мы добрались до указателя «Плантации Бранстэд». Здесь был поворот на грунтовую дорогу, петлявшую сквозь дремучий лес.

Когда мы подъехали к дому, с крыльца встал подросток.

– Я – Джеренс, – мрачно сообщил он. – Папа приказал мне встретить гостей, если он не успеет вернуться вовремя.

– А ты заметно подрос, – сказал я.

– Конечно. Мне уже тринадцать. А когда вы были у нас в прошлый раз, мне было всего десять. – Он открыл дверь и жестом пригласил нас в дом. – Заходите. Сейчас я позвоню папе.

– Спасибо.

Поковыряв ботинком землю, Джеренс с несчастным видом выдавил из себя:

– Добро пожаловать. – Выполнив свой долг, мальчишка сломя голову понесся прочь и мгновенно скрылся за домом.

Не успели мы подойти к двери, как на порог вышла Сара Бранстэд.

– Добро пожаловать, капитан Сифорт! Всегда рады вас видеть на нашей плантации, – приветливо сказала она. В искренности ее улыбки не было никаких сомнений.

– Спасибо, мадам.

– Зовите меня просто Сара. Хорошо, что вы вернулись, капитан. Говорят, на вашу долю выпали нелегкие испытания...

– Что было, то прошло. – Я лихорадочно соображал, как перевести разговор на другую тему. – А что за гости у вас сегодня?

– Томас Палаби, старик Зак Хоупвелл, Лаура Трифорт, Фолькстэдеры. Вы знаете кого-нибудь из них? Плаввелл, управляющий плантацией Кэрров – его вы точно знаете, я помню. Может быть, еще кто-то приедет. Я не знаю, кого Хармон пригласил. Обязательно будут Мантье. Их Хармон уж точно не забыл позвать.

Мы вошли в дом. Вскоре прибыл и сам Хармон Бранстэд в сопровождении двух подростков.

– Прошу прощения за опоздание, капитан, – извинился он, – надо было закончить работу на силосной башне.

Мы пожали друг другу руки, и я представил ему Алекса.

Узнав, что мы ночевали у дороги в открытом поле, Бранстэд пришел в негодование:

– Вы же проехали с десятков плантаций! На каждой есть гостиница! Вы могли переночевать в любой из них!

Я сверкнул взглядом на Алекса, собравшегося пожаловаться на невежливого плантатора, наворчавшего на нас ночью. Лейтенант прикусил язык.

– В прошлый раз я тоже ночевал в палатке. Просто мне захотелось еще раз испытать это удовольствие, – объяснил я.

Гостеприимные Бранстэды предложили нам подкрепиться. Я хотел подождать до привычного обеденного часа, но Эдди Босс, невзирая на мой предостерегающий взгляд, радостно согласился. Эконом, услышав, как бедные гости проголодались, метнулся на кухню. Буквально через пару минут он вернулся с огромным блюдом, заполненным тонкими ломтиками мяса в пряном соусе. Гарнир составляли свежие овощи. Все это оказалось ужасно вкусно.

Когда голод был утолен, послышался шум вертолета. Вскоре он сел на лужайку рядом с домом. Бранстэды вышли встречать гостей. Не успели лопасти остановиться, как из вертолета выскочил крупный мужчина с серьезным лицом.

Быстро пожав Хармону руку, он вперился в нас взглядом.

– Вы Сифорт? Агент империи? – набросился он на меня. – А я – Палаби. – Он крепко пожал мне руку, – Какие они вам дали инструкции? Усмирять нас любыми средствами или послать к черту?

– Томас, не цепляйся к человеку. Он только что приехал, ночевал в открытом поле.

– А разве он не агент империи?

Я...

Бранстэд не дал мне договорить:

– Нет. Он мой гость.

Палаби слегка покраснел, уголки его рта приподнялись.

– Ладно, простите за резкость, – смягчился он. – Давайте, однако, перейдем к делу.

– Что за дело? – спросил я.

– Как? – Он пристально уставился на меня. – Разве у вас нет задания?

– Есть. Меня просили быть с плантаторами повежливее, – холодно ответил я. – Но мое руководство не представляло себе всей сложности этой задачи.

– И все-таки зачем вы сюда прибыли?

– Чтобы осуществлять связь Военно-Космических Сил с владельцами плантаций! – про-рычал я. – А вы здесь зачем?

– Для переговоров, разумеется. Если вас не снабдили соответствующими полномочиями, мы напрасно тратим время.

– Какие переговоры вы имеете в виду?

Послышался шум еще одного вертолета. Все вышли из дома. Вскоре меня представили Сету Морстену, человеку приветливому, но весьма пожилому. Потом мы вернулись в гостиную выпить и поболтать, пока не прибыли остальные гости.

Плантация Фолькстэдеров граничила с владениями Бранстэдов с запада, поэтому они приехали на автомобиле. Наземным путем добрался и Лоренс Пламвелл, управляющий плантацией семейства Кэрров. В его глазах я почувствовал неприязнь.

– Кажется, мы с вами уже встречались, капитан, – промолвил он.

– Да, сэр. Три года назад.

– А, помню... Вы путешествовали со своим умственно отсталым двоюродным братом, – ядовито произнес Пламвелл.

– Сожалею, сэр, что так получилось. – Я покраснел. Тогда мы решили пойти на эту хитрость, поскольку Дерек не был хозяином на плантациях своей семьи.

– Я тоже. Хотелось бы поговорить с мистером Кэрром откровенно.

– Так и передам ему, если увижу, – заверил я.

С сардонической улыбкой, Пламвелл удалился.

Зак Хоупвелл действительно выглядел старцем и годился Хармону Бранстэду в дедушки. Возможно, он действительно его дальний родственник, ведь немногочисленные знатные роды планеты Надежда давно варятся в собственном соку. Здесь распространены внутриэлитарные браки. Зак Хоупвелл едва заметно кивнул Томасу Палаби, пожал руку Хармону Бранстэду, потом подошел ко мне.

– Рад видеть героя, – дружелюбно сказал он. Такая незаслуженная похвала всегда вгоняет меня в краску стыда.

– Seriously говорю, капитан Сифорт, – уверил он, заметив мое смущение. – Внучка приказала мне не возвращаться без вашего автографа. Все только и говорят что о ваших подвигах.

– Если честно, вся эта журналистская шумиха меня мало радует, – признался я.

– Не гордись, ты совершил подвиги по воле Божьей, но не по своей, – строго выговорил мне Хоупвелл.

Его тон так напомнил мне голос отца, что я встрепенулся и резко поднял на него глаза. Ей-богу, я не очень бы удивился, если бы увидел перед собой суровое лицо отца.

– Господь Бог предоставляет нам выбор, а мы решаем, приблизиться ли к Богу, или удалиться от Него во тьму, – уточнил я.

Зак Хоупвелл пристально изучал мое лицо.

– Нелегко вам пришлось, – наконец сказал он.

– Я нарушил клятву, погубил свою душу и потерял честь, – вырвалось у меня.

Он долго изумленно молчал. Его реакция поразительно напоминала реакцию моего отца.

И тон его голоса был таким же:

– Что ж, сам напросился... Не надо было мне лезть к вам в душу. Извините за бестактность.

– Мне было бы легче, если бы об этом знали все. – Я уже не пытался скрывать свою горечь.

– И поэтому вы носите печать Каина?

Я невольно тронул себя за обожженную щеку.

– Я получил это уродство в бою. Зачем же мне его исправлять?

– Убери его, парень, – нахмурился он. – Чтобы судить о твоей душе, людям необязательно видеть твою отметину.

Мне пришлось отвернуться. Слишком уж бурные воспоминания об отцовском доме вызвал у меня этот суровый старец. Пристыженный, я побрел в богато отделанную гостиную. Она была обставлена старинной мебелью, доставленной с Земли. Я налил себе бокал вина.

– Я думала, офицерам спиртные напитки запрещены, – улыбнулась оказавшаяся рядом Сара Бранстэд.

– На борту корабля алкоголь действительно вне закона, мадам, а во время отпуска пропустить рюмашку-другую можно. Кроме того, я этим не злоупотребляю.

– Боже упаси, я и не думала критиковать, – замахала она руками. – Но мне кажется, что в Сентралтауне спиртные напитки следовало бы запретить.

Я вспомнил горьких пропойц в баре, где проматывали деньги младшие чины Военно-Космических Сил.

– Это действительно серьезная проблема, мадам, – согласился я.

– С каждым месяцем все хуже и хуже, – пожаловалась она. – Из-за этих проклятых рыб сюда налетело множество кораблей. Кроме того, за последние годы на нашу планету прибыло много сельскохозяйственных рабочих. Вечером по городу стало страшно ходить.

– Там, где мы живем, довольно тихо.

– Вам просто повезло. К миссис Фолькстэдер однажды, когда она шла из ресторана к своей машине, пристали хулиганы. Хорошо, рядом проходили двое приличных мужчин, иначе ей бы пришлось совсем плохо.

Мне стало больно за эту планету. И здесь хулиганье множится, как это, к несчастью, случилось с Землей.

– А какие меры принимают местные власти? – спросил я.

– Они, конечно, пытаются как-то бороться. Но что они могут? Наша полиция слабо оснащена спецтехникой... – Ее взгляд остановился на двух гостях, вошедших в гостиную. – О, чета Мантье! Извините, одну минутку.

Сразу вслед за Фредериком Мантье вошла его запыхавшаяся супруга. Ему миссис Бранстэд едва кивнула, а жену заключила в радостные объятия. Когда церемония встречи закончилась, хозяйка подвела чету Мантье к столику с угощением и представила их мне.

– Приятно познакомиться, сэр, – протянул я руку. Фредерик Мантье смерил меня презрительным взглядом.

– Это вы ночью ломались к нам в дом? – грубо спросил он. – Хотели застать нас врасплох, спровоцировать на грубость? Не выйдет!

– Я вижу, вас вовсе не обязательно провоцировать, – спокойно ответил я.

– Фредерик, – вмешалась миссис Бранстэд, – я так хочу, чтобы вы стали друзьями! Разве Эммет не рассказывал тебе, как капитан Сифорт спас «Дерзкий»? Это же настоящее чудо!

Мантье пробормотал нечто нечленораздельное. Я начал отхлебывать из бокала, не обращая внимания на грубияна. Вскоре ко мне подошел Алекс.

– Вам не кажется, что они относятся к нам враждебно, сэр? – тихо спросил он.

– Кажется. Хотя и не все.

– Но почему?

– Пока не знаю.

– Многих из них вы встречали три года назад?

– Только Бранстэда и Пламвелла.

– Если сюда приедет еще и мисс Трифорт, то соберется компания, общий доход которой составляет процентов восемьдесят от всего дохода Надежды.

– Ну и что?

– А то, сэр, что их враждебность к представителям Военно-Космических Сил должна нас насторожить. Эти богатеи затевают что-то неладное.

– Благодарю за своевременную подсказку, лейтенант.

Изумленный Алекс замер с открытым ртом и вытаращенными глазами.

– Простите, сэр, – ответил он наконец и ретировался.

Время от времени я ловил на себе пристальные взгляды плантаторов, поэтому старался сохранять непроницаемое выражение лица. Палаби держался недоброжелательно и скептически. Похоже, он все еще ждал от меня каких-то переговоров. Враждебность Мантье выражалась более открыто. Я так и не понял почему – то ли из-за моего ночного визита, то ли по более серьезной причине. Пламвелл тоже не выказывал дружелюбия, но здесь все было понятно – три года назад мы с Дерекком злоупотребили его гостеприимством.

Арвин Фолькстэдер был одинаково приветлив со всеми. По-своему любезен был и старик Зак Хоупвелл, если учесть свойственную ему суровость.

Собрались все приглашенные, кроме Лауры Трифорт.

Посовещавшись с экономом, Сара Бранстэд позвала всех к ужину. Длинный стол ломился от яств. Хармон сел во главе стола, я пристроился рядом, Алекс – напротив меня. Некоторые гости были недовольны своими местами. Мне вспомнились круглые столы в пассажирской столовой на корабле – там никто не мог обидеться на неподобающее его положению место.

Джеренса, его младшего брата и Эдди Босса отправили ужинать на кухню. Джеренс с обидой воспринял такую дискриминацию. Он привык есть со взрослыми, но все же подчинился.

Когда слуги начали разносить блюда, я наклонился к Хармону и тихо сказал:

– Я думал, это будет нечто вроде ознакомительного ужина.

– Я так и планировал, капитан Сифорт, но они не хотят ждать, настроены на серьезный разговор, – ответил он.

– Но я не готов к...

– Как жаль, что мне не довелось познакомиться с вами в полете, мистер Сифорт, – выкрикнул с дальнего конца стола Томас Палаби. – Должно быть, восемнадцатилетний капитан успел многое повидать.

– Да, кое-что повидал, – ответил я, небрежно улыбаясь. – Мне удалось вернуть «Дерзкий» на Землю благодаря счастливому случаю.

– И мастерству, – добавила Сара Бранстэд. – Эммет рассказывал, что...

– Эммет, Эммет, Эммет, – передразнил Мантье. – Сэра, ты цитируешь своего деверя, словно Евангелие.

– При чем здесь Евангелие? Просто он единственный из всех нас видел капитана Сифорта в деле.

– Но сам почему-то не любит об этом вспоминать, – едко возразил Палаби.

Запахло ссорой. Хармон поспешил вмешаться:

– Мой брат гордится...

Дверь резко распахнулась, в зал влетела высокая женщина средних лет в развевающейся накидке.

– Ради бога, не вставайте! – с ходу заявила она. – Пришлось задержаться. Дела. Хармон встал ей навстречу.

– Капитан Сифорт, позвольте представить вам Лауру Трифорт, хозяйку плантации Трифортов.

– Приятно познакомиться, – поднялся я с места.

– А, понятно... Официальный представитель Военно-Космических Сил по контактам с местными плантаторами. – Она оценивающе осмотрела меня с ног до головы. – Это вы первым обнаружили чудищ?

– К сожалению, да.

– Продолжайте ужин. Я недавно ела, но посижу с вами. – Она сбросила накидку на спинку свободного стула.

Беседа возобновилась.

После обильного ужина все вернулись в гостиную. Дневные закуски уже были оттуда убраны. Алекс поставил свое кресло рядом с моим, но не на одной линии, а чуть позади.

– Капитан, как вы себе представляете сложившуюся ситуацию? – спросил меня Арвин Фолькстэдер.

Я отвечал не спеша, тщательно взвешивая каждое слово:

– Ваша планета Надежда поставляет на Землю миллионы тонн пищевых продуктов. Большинство из них выращивается на плантациях, хозяева которых собрались здесь, в этой гостиной.

– Верно, – согласился Фолькстэдер. – Мы хотим иметь право голоса в ООН. Несколько лет назад мы послали туда своего представителя Рэндольфа Кэрра, но ему ничего не удалось сделать.

– Зачем вам представитель в ООН?

– А кто перевозит наше зерно?

– Военные корабли перевозят ничтожную часть, в основном это делают баржи. – Баржами на нашем жаргоне называются гигантские, но плохо вооруженные грузовые корабли, укомплектованные малочисленными экипажами. Размерами они превосходят даже «Гибернию». С Надежды баржи везли на Землю зерно, а с планеты Майнингкэмп – руду. Разумеется, грузы доставлялись и со многих других планет, называвшихся колониями.

– Правильно, но кто управляет баржами?

– Они находятся под юрисдикцией Военно-Космических Сил.

– В том-то все и дело!

– Не вижу причин для беспокойства.

– Цены! – Мантье вскочил и начал расхаживать взад-вперед по гостиной. – Многие годы вы грабите нас высокими ценами за перевозки.

– Цены устанавливаем не мы, – возразил я.

– Да, не ваши проклятые Военно-Космические Силы, а тарифный отдел ООН!

– Это повод для обсуждения, а не для ссоры, – вмешался Зак Хоупвелл.

– Сколько можно обсуждать, Зак! – вскипел Мантье. – Вы были еще мальчиком, когда наша планета пыталась вести с ними переговоры. Ни к чему хорошему это не привело.

– Тогда зачем вы сюда пришли, Фредерик? – спокойно спросил Хоупвелл.

– Не учите меня жить, старый маразматик!

По гостиной пронесся шепоток. Плантадоры были потрясены. Зак Хоупвелл медленно встал. Теперь в его голосе слышался металл:

– Фредерик Мантье, вызываю вас...

– Подождите! – крикнул, вскакивая, Хармон Бранстэд.

– Нет, я не буду ждать. Мантье, я...

– Здесь я хозяин! – загремел Бранстэд так, что даже Хоупвелл оторопел. Затем хозяин особняка повернулся к Мантье:

– Я прожил на этой планете всю жизнь и никогда об этом не жалел. Мы росли джентльменами и своих сыновей воспитывали честными, благородными, учили их расширять наши владения, заботиться о благополучии планеты. Но в последнее время наше общество меняется не в лучшую сторону. Неужели вы этого не замечаете? – Хармон Бранстэд обвел взглядом собравшихся. – Мы становимся... – Ему не сразу удалось найти подходящее слово. – Становимся высокомерными. Мы разучились беседовать вежливо, превращаемся в несдержанных дикарей. Знаете... – Он умолк, протер очки. – Я буду с этим бороться. Я не допущу дурных манер в своем доме. Будьте добры вести себя достойно. Фредерик, ваша выходка возмутительна, следите за своими выражениями. Попросите у Зака прощения, иначе я сам вызову вас на дуэль.

Мантье стал растерянно озираться, как бы ища поддержки, и наконец снова обрел дар речи.

– Вы что, оба спятили? Вы хотите драться на дуэли со мной, вместо того чтобы сражаться с нашими общими врагами? – Он презрительно показал на меня. – Ладно. Пусть наши взгляды не во всем совпадают, но нам не следует проливать кровь друг друга. Зак, я беру свои слова обратно. Счастливого провести вечер.

Мантье гордо удалился. За ним поспешила его жена.

– Какая несдержанность, – покачал головой Хармон Бранстэд. Гости давно разъехались по домам, Алекс и домочадцы Хармона легли спать, а мы все еще сидели, потягивая горячий напиток с пряностями. – Голос разума здесь не слышен.

– Не все же такие, – возразил я.

– Буйные нравы. Даже Зак способен на безрассудство, когда его выведут из себя.

– Да, своеволия им не занимать. Особенно это касается мисс Трифорт.

– Лаура была первой женщиной, взвалившей на себя бремя руководства плантацией.

– Как это случилось? Ведь по вашим законам плантацию должен наследовать старший сын.

– Да, первородство у нас имеет огромное значение. Владения должны были достаться ее брату Армистаду. Трагедия. Инсульт в тридцать два года.

– Он умер?

– Нет, он прожил еще много лет, но сознание его помутилось. Ни сыновей, ни братьев у него не было. Возглавить имение пришлось Лауре. Она много трудилась, осваивала новые земли. Несколько лет назад Армистад наконец умер. Так Лаура стала единственной и полновластной наследницей.

– Многие плантаторы настроены так же, как она?

– Знаете, ее жалобы справедливы. Согласитесь, тарифы на перевозки наших товаров явно завышены. Ваши торговцы платят в два раза меньше.

– Вот как? – удивился я. Об этом я слышал впервые.

Претензии плантаторов не сводились к одним тарифам. Когда Мантье покинул собрание, обсуждение продолжилось. Мне жаловались на несправедливость колониального правительства, на низкое качество поставляемой с Земли рабочей силы.

Но больше всего меня встревожила критика наших Военно-Космических Сил. Лаура Трифорт расхаживала по гостиной, не стесняясь в выражениях, ругала нашу бездарность, подкрепляла обидные слова размашистыми жестами. Остальные плантаторы согласно кивали головами.

– После вашего прошлого визита, Сифорт, – раздраженно говорила Лаура Трифорт, – на нашей планете побывало больше кораблей, чем за все время ее существования. Эти корабли привозят ненужные станки и оборудование, тупых и некультурных людей.

– Можно об этом подробнее? – миролюбиво попросил я, стараясь не выдать своего беспокойства.

– Пожалуйста. Сюда присылают тысячи солдат. Зачем? Пока на нас никто не напал, но случись так – вряд ли мы смогли бы защититься с поверхности планеты. Ваши войска посланы на Вентурские горы, которые находятся на противоположной от наших плантаций стороне планеты. А трюмы по крайней мере трех прибывших сюда кораблей были набиты... – Для эффекта Лаура сделала театральную паузу.

– Чем? – не выдержал я.

– Едой! Теми пищевыми продуктами, которые есть и здесь! Причем в избытке! Надежда посылает свои излишки на Землю! А ваши власти посылают провиант назад под видом снабжения армии. А ведь мы можем с лихвой обеспечить вашу армию провиантом.

– Согласен.

– Жаль, что вы не командуете экспедиционным флотом, – невесело усмехнулась Лаура. – Ваше руководство наделало и много других глупостей. Для расквартирования армии на планете они доставили сюда в разобранном виде огромную фабрику. Она должна выпускать стандартные домики модульного типа.

Я тяжело вздохнул. В сборных домиках я совсем не разобрался.

– Что же в этом плохого?

– Ваше начальство ухитрилось забыть, что у нас нет больших шаттлов. Доставить такой тяжелый груз с орбитальной станции на поверхность планеты оказалось весьма хлопотным делом. Нам пришлось реконструировать несколько грузовых шаттлов, которые требовались для доставки на орбиту нашей собственной сельхозпродукции. Сплошные убытки! Далее, ваша фабрика должна перерабатывать деревья, которых у нас, слава богу, пока хватает. – Лаура остановилась прямо передо мной и вонзилась в меня взглядом, словно во всем этом разгильдяйстве был виноват лично я. – Но ваше начальство конечно же забыло о том, что у нас в Вентурах нет дорог, чтобы возить деревья на фабрику, а с фабрики – домики.

– Видите ли, я не...

Но Лаура не слушала возражений.

– Фабрику привезли хорошую, но ей нужно много электроэнергии. К сожалению, ваши власти забыли и о том, что в Вентурских горах пока нет электростанции. Конечно, мы, как гостеприимные хозяева, не дадим вашим солдатам замерзнуть, не оставим их без крова, хотя эта работа требует множества рабочих рук, а их и без того не хватает для сбора урожая. Я уж не говорю о мощных лазерных установках, тоже оставшихся без электроэнергии в Вентурах. Что бы они делали, если бы мы не послали им мобильную термоядерную электростанцию... – Лаура скорбно вздохнула. – Да вы и сами, наверно, видели в Сентралтауне груды военной техники, которую лишь с большим трудом можно доставить в Вентурские горы. А если это все же удастся, то проку от техники без электроэнергии не будет. И при всем при этом, несмотря на нашу помощь, налог на землю повысили в два раза!

– Но армия вас защищает... – неуверенно возразил я.

– От кого? Армия давно бездельничает на Вентурах.

Плантаторы одобрительно загудели.

– Вы доводили эти факты до сведения Объединенного командования? – спросил я.

– Да. Однажды я высказала им все это. А они снисходительно посоветовали мне заниматься своими собственными делами. – Лаура быстрым движением поправила короткую прическу, обиженно вскинула голову. – Грубая, неотесанная солдатня и жадные чиновники оккупировали наш Сентралтаун. Это тоже не наше дело?

– Повежливее, Лаура, – мягко вмешался Хармон Бранстэд.

– Я не имела в виду его, Хармон. Извините, капитан, если вы приняли это на свой счет. Нам дорог наш маленький Сентралтаун, но теперь по вечерам там опасно выходить на улицу.

– Ваша солдатня опаснее космических чудищ! – выкрикнул Пламвелл, управляющий плантацией семейства Кэрров.

– Будьте справедливы, – вмешался Хармон, – уличное хулиганство в Сентралтауне начало расти несколько лет назад, еще до наплыва военных. Это происходит по нашей вине. Ведь мы нанимаем приезжих сезонных рабочих, вместо того чтобы повысить производительность труда местных. Зимой от безделья...

– Согласна, Хармон, – перебила Лаура, – мигранты тоже хулиганят. Но солдаты резко ухудшили положение.

Я встал с заявлением:

– Я не могу ответить на ваши жалобы, но обещаю обо всем рассказать своему начальству. Обещаю также передать вам ответы начальства на все ваши вопросы.

– Когда? – резко спросил Зак Хоупвелл.

– Не знаю. Вначале я должен попасть на прием к адмиралу Де Марне, а он очень занят. Как только...

– Я так и думала, что мы попусту тратим время! – воскликнула Лаура Трифорт, потрясая кулаками. – Мантье правильно сделал, что смылся отсюда. Нас не хотят слушать! К нам никогда не прислушаются!

– Сядь, Лаура, – приказал Зак Хоупвелл.

Лаура удивленно повернулась к нему. Некоторое время они напряженно сверлили друг друга взглядами, пока наконец Лаура не опустила глаза. Бормоча ругательства, она все-таки села.

– Пусть мальчишка передаст им наши требования, – сказал Хоупвелл, очевидно, имея в виду меня. – Мы терпели так долго, что еще несколько дней ожидания нам не повредят.

– Несколько дней? – язвительно переспросила Лаура.

– Ну, недель. Теперь он знает все наши требования. Знает, что мы добиваемся справедливости. Посмотрим, как он себя поведет, чего он стоит.

Плантаторы нехотя согласились.

И вот теперь поздно ночью, сидя с Хармоном за столом, я испытывал мучительные сомнения. Смогу ли я им помочь? Если б они знали, как трудно попасть на прием к адмиралу!

– Я надеялся, сегодня вечером приедет Эммет, но, как видно, мы его уже не дождемся, – сокрушенно промолвил Хармон, взглянув на часы.

– Может быть, я успею увидеться с ним до отъезда утром. – Я пожелал Хармону спокойной ночи и отправился спать.

Утром чета Фолькстэдеров приехала меня проводить. Их пригласили к завтраку. После обильной трапезы мы вышли на автомобильную стоянку. Миссис Фолькстэдер тараторила о всяких пустяках, а мистер Фолькстэдер о чем-то тихо разговаривал с Алексом, с подозрением поглядывая в мою сторону.

Мы погрузили свои вещи в электромобиль, попрощались с хозяевами и Фолькстэдерами. За руль сел Эдди Босс.

– Сэр, Арвин Фолькстэдер говорил мне странные вещи, – сообщил мне Алекс, как только наш электромобиль отъехал несколько метров.

– Что именно?

Впереди на дороге появился подросток.

– Кто это гуляет так далеко от дома? – удивился Алекс.

Вскоре мы подъехали к нему ближе, и я узнал Джеренса. На спине у него был большой рюкзак. Джеренс помахал рукой, Эдди Босс остановил машину.

– Подвезете меня? – попросил Джеренс.

– Куда?

– Мне надо на восток, как и вам. – Настроение у Джеренса было заметно лучше вчерашнего.

– Почему ты отправился в такую даль пешком? – спросил я на всякий случай.

– Сегодня хорошая погода, я решил сходить к своему другу Кэри Мантье пешком, но раз уж вы встретились по пути, так почему бы мне не доехать с вами? Если, конечно, не возражаете.

– Ладно, садись. – Я подвинулся, уступая ему место на заднем сиденье.

– Спасибо. – Джеренс снял рюкзак, забрался с ним в машину.

– Что у тебя в рюкзаке? – спросил я, чтоб как-то завязать беседу.

– Так, ничего особенного, всякая ерунда, – покосился на меня Джеренс.

Меня охватила ностальгия по детству. Помнится, в тринадцать лет у нас с моим другом Джейсоном тоже были секреты от взрослых. А потом Джейсон погиб во время беспорядков, устроенных футбольными фанатами.

Наш электромобиль выехал на шоссе. Оно была совершенно пустынным – ни единой машины.

– Мы еще можем успеть добраться до Сентралтауна к вечеру, сэр, – сказал Алекс.

Я вспомнил об Анни. В самом деле, в Сентралтауне ночевать лучше. Эдди Босс прибавил скорость.

– Рассказать о той беседе, сэр? – спросил Алекс.

– Позже, – ответил я, показав взглядом на Джеренса.

– Есть, сэр. – Алекс задумчиво уставился в окно. – Хорошо, что мы уезжаем. Слишком уж много здесь враждебности.

– Для этого есть основания.

– Но некоторые из этих людей прямо-таки напрашиваются на неприятности.

Я промолчал. Обсуждать подобные вещи при подростке не хотелось.

– Особенно мисс Трифорт и Мантье, – продолжал Алекс. – Странные они люди. Я бы не стал с ними связываться.

– Поговорим об этом в другой раз, лейтенант, – приказал я.

– Есть, сэр.

Наконец владения Бранстэдов кончились, начались плантации Мантье.

– Где тебя высадить? – спросил я у Джеренса.

– У ворот, если не трудно.

Эдди резко затормозил. Впереди дорогу загораживал грузовик с зерном.

– Полегче, мистер Босс, – проворчал я. Мы медленно подъехали к стоявшему зерновозу. Никого вокруг не было.

– Где же шофер? – спросил Алекс.

– Откуда я знаю? – раздраженно ответил я.

– Странно все это, – сказал Джеренс.

– Может быть, шофер пошел за помощью?

– Назад! – Алекс нажал на педаль, резко повернул руль. Но поздно...

Последовала ослепительная вспышка. Взрывной волной электромобиль отбросило на толстый ствол придорожного дерева. Я вылетел через стекло.

Придя в сознание, я с трудом понял, что лежу на траве. В голове туманилось, ребра жутко болели. Я закашлялся, подумал, что вот-вот изо рта хлынет кровь, но ее не было. Кое-как я привстал, но тут же упал без сил.

Рядом скрипнули тормоза, шелкнула открывшаяся дверца.

– Боже мой! – послышался голос. Вскоре кто-то плеснул на меня водой, приподнял мне голову.

– Что с вами, сэр?

Теперь я узнал голос Эммета Бранстэда.

– Ничего, все хорошо, – простонал я.

– Мы вызвали вертолет «скорой помощи» из Централтауна, – сообщил Эммет.

– Не надо, я в порядке.

– Не для вас. О Господи!

– Помогите мне встать, пожалуйста, – попросил я.

Опираясь на его руку, я встал. Эдди Босс сидел, словно контуженный, держался за сломанное запястье, а рядом лежал Алекс Тамаров.

Я опустил перед ним на колени. Из носа и ушей у него текла кровь, дыхание было прерывистым.

– Алекс!

Но он был без сознания. Я приподнял ему голову, почувствовал что-то мокрое, вынул из-под головы руку – она была вся в крови.

– Что здесь произошло, сэр? – спросил Эммет Бранстэд.

Он уже не числился на военной службе, а значит, не был моим подчиненным, но армейская дисциплина крепко въелась в него, поэтому он по привычке называл меня сэром.

– Не знаю, – ответил я, потом долго пытался вспомнить. – Мы подъехали к грузовику, перегородившему дорогу. Раздался взрыв.

– Это я знаю. Посмотрите на воронку, – показал он на дорогу.

– Черт с ней. Лучше помогите Алексу.

– Я ничего не смыслю в медицине, сэр. А вы?

– Тоже. – Как я жалел об этом!

– У меня сломана рука, – пожаловался Эдди.

– Вижу, Босс.

– Тащил мистера Тамаров одной рукой, – коверкая слова, сказал Эдди. От волнения в нем проснулся испанский акцент.

– Зачем ты тащил его? – прорычал я.

– Боялся пожара.

– Электромобили не взрываются, чертов беспризорник!

– Дороги тоже не взрываются, – спокойно ответил он с безупречным произношением, глядя мне прямо в глаза. Этого взгляда я не выдержал.

– Извини, – пробурчал я. – Мистер Босс и мистер Бранстэд, пожалуйста, простите меня.

– Капитан немного контужен, – добродушно улыбнулся Эдди. – Все мы малость контужены.

– Где же этот чертов вертолет?

– Он будет, наверно, не раньше чем через полчаса, – сказал Эммет Бранстэд.

Я тихо выругался. Грудная клетка все еще болела.

Наконец послышался шум вертолета. Он сел на дорогу.

Но это была не «скорая помощь». Из вертолета выпрыгнул Хармон Бранстэд и бегом бросился к нам.

– Я был в зернохранилище, когда ты позвонил, Эммет. Что тут стряслось?

Братья на мгновение обнялись.

– Я бы назвал это засадой, – ответил Эммет. Кто-то пытался убить капитана Сифорта.

– Что? – вырвалось у меня.

Эммет как-то странно на меня поглядел.

– Вы считаете, кто-то просто хотел поразвлечься? – спросил он.

– Может быть, это авария, – предположил я. – Наверно, грузовик вез что-то взрывоопасное.

– Мы не возим в грузовиках взрывчатку, она нам не нужна. Здесь земля мягкая, ее можно выравнять бульдозером. Кроме того, посмотрите на этот грузовик.

Он был покорежен взрывом.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Если бы взорвался груз, от машины ничего бы не осталось. Взрыв произошел рядом, на дороге. Возможно, взрывчатка была зарыта. А грузовик потребовался, чтобы остановить ваш электромобиль.

– Но почему вы считаете, что покушались именно на меня?

– На кого же еще? Не на шофера же.

Я задумался. Переварить такое было нелегко.

– Хармон, можете отвезти нас в госпиталь? – попросил я.

– Лучше дождитесь вертолета с врачами, капитан. Не стоит напрасно тревожить раненого, это может ему сильно повредить, – ответил вместо брата Эммет.

Конечно, он был прав. Алекс все еще лежал без сознания. Пришлось мне согласиться.

Вдруг Хармон заметил Джеренса, стоящего под деревом, быстро подошел к нему, осмотрел и вдруг влепил сыну пощечину. Джеренс отлетел и схватился за покрасневшую щеку. Хармон снова ударил его и приказал:

– В вертолет!

Джеренс немедленно побежал к вертолету.

– За что ты его так? – спросил Эммет.

– Зачем вы везли моего сына в Сентралтаун? – зло спросил меня Хармон.

– В Сентралтаун? – переспросил я, все еще плохо соображая. – Чепуха какая. Он попросил нас подвезти его до дома Мантье.

– Зачем?

– В гости к его другу Кэри Мантье.

Хармон ошалело вытаращился на меня.

– Капитан, у Фредерика Мантье нет детей, – сообщил Эммет. – Хармон, очевидно, капитан не знал этого.

– Объясните мне, ради бога, что тут происходит? – взмолился я.

Хармон с поникшей головой побрел к своему вертолету.

– Капитан, мой племянник хотел сбежать из дома, – объяснил мне Эммет. – Он делал это уже дважды.

Я вылупил на него глаза. Эммет пожал плечами, как бы извиняясь.

– По-видимому, он попросил вас довезти его до дома Мантье потому, что подозревал, что до Сентралтауна вы его не возьмете. От дома Мантье до города он добрался бы на попутном грузовике с зерном.

– Но почему он убегает из дома?

– Обещаете, что никому не выдадите эту тайну? – шепотом спросил Эммет. Я кивнул.

– Здесь негде купить наркотики. Их можно достать только в Сентралтауне. Вот за ними Джеренс и ехал, – объяснил Эммет.

– Ему всего тринадцать, а жизнь его сломана...

– Одному Богу известно, как он к ним пристрастился. Кто ему впервые дал попробовать эту гадость? Он пока еще не превратился в наркомана, но близок к этому.

Наркотики... Однажды я видел их действие, когда солдаты тайком пронесли их на борт «Гибернии». Под действием наркотиков человек запросто может зарезать даже своего лучшего друга. И только протрезвев, будет раскаиваться.

– А его не пробовали лечить? – осторожно поинтересовался я.

– Ничего не помогает.

Из вертолета выскочил Хармон, быстро подошел к нам.

– Я звонил в Централтаун, вертолет с врачами будет здесь через пять минут, – сообщил он.

Эммет склонился над Алексом.

– Он еще дышит, сэр. У него есть шанс выжить. Современная хирургия творит чудеса.

– Кто мог устроить засаду? – спросил я.

– Мы находимся на земле, принадлежащей Мантье. Фредерик ушел вчера очень злым, но я не думаю, что он способен...

– Почему он до сих пор сюда не приехал? Наверняка слышал взрыв.

– Трудно сказать. Я звонил ему домой. Жена сказала, что его нет, а где он – неизвестно, – сказал Хармон.

– Чей это грузовик, Хармон? – спросил Эммет.

– Не знаю, но это легко установить по номеру. Есть номер и на двигателе.

Послышался гул вертолета.

– Проследите, чтобы владелец грузовика был установлен, – произнес я приказным тоном.

Если окажется, что грузовик принадлежит Мантье, то у полиции будут основания допросить Фредерика с использованием детектора лжи и наркотика правды. Слава богу, в 2026 году отменили идиотский закон, который несколько столетий помогал преступникам избегать заслуженной кары, разрешая им не отвечать на вопросы суда и следствия. В наши дни любой подозреваемый сразу выкладывает всю правду.

Если засаду устроил Мантье, то под действием наркотика правды он обязательно признается, а одного этого признания достаточно для предъявления обвинения в суде. Если же Мантье окажется невиновным, то отделается лишь легкой головной болью и тошнотой, но и это скоро пройдет. Мне такую процедуру пришлось пройти, когда надо было отчитаться о смерти офицеров «Гибернии». Конечно, приятного в таком допросе мало, зато с меня сняли все подозрения.

– Конечно, мы узнаем, чей это грузовик, – горько усмехнулся Хармон. – Ведь покушались и на моего сына.

Медицинский вертолет приземлился. Врачи склонились над Алексом, обработали и перевязали ему голову, на носилках отнесли в вертолет. Я и Эдди Босс полетели с ними.

– Не забудьте выяснить! – крикнул я на прощанье Бранстэдам.

Хармон мрачно улыбнулся.

5

– Извините, но адмирала нет, – ответил мне лейтенант Эйфертс.

Я глянул на него так, словно в отсутствии адмирала был виноват он. Наконец я сообразил, что зря пялюсь на бедного дежурного, и тяжело вздохнул:

– Когда он вернется?

– Возможно, не скоро, сэр. Он полетел на орбитальную станцию, а оттуда, вероятно, отправится проверять расположение кораблей.

– Зачем? Эти данные есть в компьютере. – Я тут же пожалел о своем дурацком вопросе, но было поздно. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Не знаю, сэр.

Интересно, передаст ли он мой вопрос адмиралу?

– Мистер Эйфертс, я ищу встречи с ним уже три дня.

– Знаю, сэр.

– Ладно. – Из последних сил стараюсь держаться с достоинством, я вышел из местного Адмиралтейства.

Анни, склонившись над клумбой, рассматривала цветущую герань. При моем приближении она подняла голову:

– Поговорил?

– Его опять нет. – Я взял ее за руку и повел к электромобилю. Мы взяли его напрокат.

После той истории с покушением Анни нашла нас в госпитале. Она плакала и причитала, покрыла всю мою физиономию поцелуями. Мы с Анни не уходили, пока врачи не прооперировали Алекса. С тех пор вот уже пять дней Анни не выпускает меня одного из дома, боясь, что без нее я снова влипну в какую-нибудь историю.

– Куда теперь? – спросила она.

– В госпиталь.

– Я звонила туда утром. Состояние Алекса не улучшилось.

Мне это было прекрасно известно. Я ведь тоже туда звонил. Алекс все еще не приходил в сознание. Тем не менее мне надо было побыть рядом с ним. Из его носа и горла торчали трубки, аппаратура непрерывно следила за состоянием организма. Мозг был жив, и это давало надежду. Насколько я понимал, шансов у Алекса было мало, хотя врачи, как всегда, ничего определенного не говорили.

Мы вошли в больничную палату. Алекс лежал неподвижно. В углу сидел Эдди.

– Эдди? – удивился я. – Что ты здесь делаешь?

– Пришел навестить его, – проворчал он.

– К сожалению, ты ничем не можешь ему помочь.

– Вы тоже.

Какая дерзость! И кому? Самому капитану! Я пронзил наглеца взглядом, но он спокойно выдержал. Первым отвести глаза пришлось мне.

– Ладно, мистер Босс. – Я сел рядом с ним.

Анни расположилась по другую сторону гиганта Эдди, дотронулась до гипса на его сломанной руке. Ничего, под действием прибора, стимулирующего сращивание костей, перелом скоро заживет.

Мы просидели в полной тишине час. Эдди пошел с нами к электромобилю.

– Мистер Босс, вы часто его навещаете? – спросил я.

– Каждый день, – с вызовом ответил он.

– Мне казалось, вы не настолько хорошо знакомы с Алексом, чтобы бывать у него так часто.

– Я познакомился с ним еще на «Порции». Помните, когда офицеры сидели за одними столами с беспризорниками?

– А...

– Никки, ты собираешься ехать к плантаторам? – спросила Анни, открывая дверцу.

Отправляться к ним без ответа на их вопросы и требования было бы глупостью. С другой стороны, если не ехать, то плантаторы могут подумать, что я напрочь о них забыл.

– Наверно, придется съездить, – ответил я.

– Лучше отправляйся туда в вертолете, – Это прозвучало скорее как приказ, а не предложение.

– Ладно, Анни, так и сделаем, – вздохнул я. – Может быть, – повернулся я к Эдди, – присмотришь за ней, пока я буду в отъезде?

Эдди медленно расплылся в улыбке.

– Есть, сэр. Ни одного мужика не пущу к Анни. Железно.

В Академии меня учили летать на военном вертолете. Потом, три года назад, я летал на этой планете на гражданском вертолете, а теперь снова взял военный. Разумеется, мне понадобилось время, чтобы освоиться с новой машиной и ее современным оборудованием. Бортовой компьютер постоянно долдонил мне о погоде и исправном состоянии всех систем двигателя, пока я не отключил этого болтуна. Мне больше нравится летать на молчаливых вертолетах.

И вот я поднял послушную машину с площадки и направил ее к плантации Зака Хоупвелла. Добиться приема у адмирала Де Марне мне так и не удалось. Как-то воспримут известие об этом плантаторы? Мне придется быть дипломатом. Я тщательно обдумывал линию поведения, выверяя каждое слово. Не дай бог, богачей обидятся! Я предвидел их упреки и заранее искал вежливые отговорки.

Специально для меня Зак Хоупвелл любезно установил у своего дома радиомаяк, на который мог ориентироваться мой автопилот, так что управлять вертолетом и прокладывать курс самому не было необходимости. Вскоре вертолет сел на лужайку, где меня уже поджидали Хоупвелл и Хармон Бранстэд. Плантация Хоупвелла отличалась от остальных лишь некоторой строгостью, присущей и ее хозяйину.

Мы вошли в дом. В отличие от Бранстэда, Хоупвелл не предложил ни мясных закусок, ни вин, ни иных спиртных напитков, а только кофе с мягкими вкусными пирожными и рулетами. Пока я их поглощал, потягивая кофе, плантаторы молчали. Пришлось начать разговор самому.

– За эти дни мне так и не удалось добиться одной вещи, – заговорил я, обращаясь к Заку Хоупвеллу. До чего же он похож на моего отца! – Поверьте, я несколько раз пытался попасть к адмиралу, но он слишком занятый человек.

– По крайней мере, он не стал отделяться пустопорожней болтовней, – съязвил Хоупвелл.

– Извините, что так получилось.

– Ваша честность обнадеживает. Кстати, нам тоже нечем похвастаться. Мы пока не можем найти Фредерика Мантье. Его жена Дора даже разрешила нам обыскать их дом. Я участвовал в обыске и могу засвидетельствовать, что Фредерика там не было. Зато мы установили, что грузовик принадлежит Мантье и должен был находиться в тот злополучный день в Сен-тралтауне.

– Зачем Мантье хотел меня убить?

– Помните, он назвал вас врагом плантаторов? – мрачно заметил Хармон.

– Помню, но все равно непонятно. Что конкретно ему могла дать моя смерть?

– Он хочет разжечь войну с Правительством, поэтому устранение трезвомыслящего представителя властей ему на руку.

– Неужели это единственная причина?! – воскликнул я. Любые другие мотивы убийства мне были бы понятны. Но взбунтоваться против законного правительства? Уму непостижимо!

На Земле никаких революций не было уже больше столетия с тех пор, как закончилась эпоха бунтов. Мне стало не по себе.

– Что толку гадать о причинах сейчас? Все выяснится, лишь когда Мантье будет схвачен, – сказал Зак Хоупвелл.

– Конечно, – согласился я. – Как жаль, что мне не удалось поговорить с адмиралом. Может быть, Адмиралтейство исправит свои ошибки, когда я прорвусь к Де Марне.

– Вы послали ему письменный доклад?

– Разумеется. Послал в тот же день, когда вернулся в Централтаун. – Но я сомневался, что Де Марне что-то предпримет до встречи со мной.

– Не знаю, какие планы у Мантье, а вот Лаура хочет, чтобы Устав Планеты был пересмотрен, – сказал Хармон. – По ее мнению, управлять должно не чуждое нам правительство, назначенное Землей, а совет местных плантаторов.

– Это требует согласования с ООН, что не входит в мою компетенцию, – выдавил я, чувствуя себя мелким человеком.

– Знаем.

На этом серьезный разговор закончился. Меня пригласили отобедать, затем я нанес кратковременный визит чете Палаби и отправился в Централтаун. В полете мне позвонили по телефону.

– Капитан, с нами связалась мисс Уэллс, – сообщил Хоупвелл. – Она хочет срочно с вами поговорить.

Я мысленно выругался. Личная жизнь – это одно, а работа – другое, и совмещать эти разные вещи я не люблю. Конечно, я мог бы позвонить Анни и выяснить, в чем дело, но лететь оставалось недолго, около часа, поэтому я решил подождать, чтобы разобраться на месте. Зачем попусту суетиться?

Анни открыла мне дверь с покрасневшими от слез глазами.

– «Конкорд» улетает завтра. Утром в десять. Мне говорили, я надо лететь, – сообщила она с чудовищным акцентом, что случилось только в минуты сильнейшего волнения.

– Ох... Анни... – Я сжал ее в объятиях. Конечно, я давно знал, что этот горестный день рано или поздно настанет, но...

– Меня сунут на Окраину, – всхлипывала Анни. – В ссылку. Опять с беспризорниками. Полный конец!

– Анни, не коверкай слова, – вырвалось у меня. Слишком долго я обучал ее правильной речи.

Мы зашли в спальню. На кровати лежала ее сумка, наполовину собранная.

– Как жаль, что ты уезжаешь, – тупо пробубнил я.

– Мне тоже, Никки.

– Скоро мне дадут корабль. Тебе не разрешили бы летать со мной.

– Знаю. Как я запихну сюда все свои новые тряпки? – улыбнулась она сквозь слезы, – Нужна еще одна сумка.

– Купим тебе сумку. Самую лучшую. – Я схватил ее за руку. – И рубиновое ожерелье, которое тебе так понравилось, и много других драгоценностей.

– В самом деле? Ой, Ник, не надо этого.

Я уже пожалел о своей несдержанности. На одно только ожерелье ушло бы двухмесячное жалование. Но на что еще мне тратить деньги?

– Это для меня сущая ерунда, – мужественно заявил я и повел Анни на улицу к электромобилю.

Через пару часов на фоне ее светлого атласного платяца сияло и переливалось темно-красное ожерелье. Мы вернулись в квартиру, и тут моя радость погасла. Разлука так близка!

– Подожди минуту, – сказала Анни и шмыгнула в спальню.

Я сидел несчастный, подавленный, представляя себе, как я возненавижу эту квартиру, когда некому станет утешить меня. Наверно, придется переселиться в казарму.

– Никки, пожалуйста, помоги мне, – позвала Анни.

– Не закрывается сумка, лапочка? – спросил я, вставая с кресла. – Может быть, купить сумку побольше? – Я вошел в спальню и встал как вкопанный.

Кроме рубинового ожерелья, красиво сверкающего в вечернем свете, на ней ничего не было.

– Никки, покажи мне, как отстегивается ожерелье, – попросила она.

Я подошел сзади, коснулся драгоценности. Анни повернулась ко мне, жарко прильнула, нежная, женственная, беззащитная. Наши губы встретились. Я поспешно сбросил с себя одежду, и мы бросились в постель.

Вечер незаметно превратился в ночь. Мы уже лежали без сил, когда зазвонил телефон.

– Капитан Сифорт? – послышалось из трубки. – Говорит лейтенант Эйфертс. Мне удалось уговорить адмирала Де Марне принять вас на несколько минут. Приходите утром в десять часов.

– Хорошо. – Я положил трубку.

– Что случилось? – сонным голосом спросила Анни.

– Адмирал наконец согласился меня принять. Завтра. Я отвезу тебя на космодром и отправлюсь в Адмиралтейство.

– Я рада, что ты все-таки добился этой встречи.

– Я тоже.

Анни всхлипнула. Я нежно обнял ее, пытаюсь как-то утешить. Что я мог сделать? Ничего. Разлука была неизбежной. На планете Окраина Анни будет работать на фабрике, производящей всякую всячину для молодой развивающейся колонии. Конечно, мы будем переписываться. Не знаю как Анни, а я буду ей писать, по крайней мере какое-то время. А потом наши письма станут приходить все реже и реже...

Возможно, что с Божьей помощью я сумею забыть ее.

Утром я позвонил в госпиталь. Алекс все еще был в коме. Его шансы на выздоровление таяли с каждым днем.

Одевшись, я пил на кухне кофе, хмуро перечитывал на экране блокнота свой доклад, давно посланный адмиралу. Анни уложила в красивую новую сумку последние вещи.

Где-то вверху на орбитальной станции ее ждал «Конкорд». Я тянул время до последнего, но всему есть предел. Опаздывать было нельзя. Пришлось идти.

Мы проехали на электромобиле мимо космодрома и остановились у Адмиралтейства. На космодроме, расположенном неподалеку, уже началась посадка на шаттл. Через полтора часа он причалит к орбитальной станции.

– Анни, знаешь...

– Ник, – улыбнулась Анни, – не надо прощаться, а то я опять разревусь.

– Мне будет очень, очень не хватать тебя, – прохрипел я.

– Нам было хорошо вместе. – В ее глазах все-таки блеснули слезы, когда она взяла сумки. – Пока, Ник. Береги себя. – Не оглядываясь, она пошла к шаттлу. Я смотрел ей вслед, пока не потерял из виду.

Я поднялся по ступенькам, вошел в Адмиралтейство.

– Я уже доложил адмиралу о вашем прибытии, сэр. Он примет вас через несколько минут, – сказал лейтенант Эйфертс.

На часах было без пяти десять. Я сел, рассеянно начал листать электронный журнал на столике. Вдруг меня озарило. Я вскочил как ужаленный.

– Что случилось, сэр? – всполошился лейтенант Эйфертс.

– Передайте адмиралу мои извинения. Чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня задержаться.

– Что? – вытаращился Эйфертс.

Но я уже несся сломя голову прочь. Двойные двери, крыльцо, тротуар, космодром.

Люк шаттла закрылся на моих глазах. Не сбавляя скорости, я отчаянно замахал руками. Люк открылся, я влетел внутрь. Черт возьми! Шаттл был двухэтажным. Где же Анни?

– Вы опоздали, вес пассажиров уже занесен в компьютер, – проинформировала меня женщина-пилот.

– Я не лечу, – выпалил я и заорал на весь салон:

– Анни!

– Капитан, мы отправляемся ровно через две минуты.

– Мне надо меньше, – отмахнулся я.

– Люк необходимо закрыть!

– Да, мадам. Анни!

Наконец, с одного из кресел поднялась Анни. Глаза ее округлились от страха:

– Что случилось? Алекс?

Я кашлянул, мучительно подбирая слова. Хорошо еще, что пилот умолкла. Анни в тревоге теребила ожерелье. Наконец я выпалил:

– Анни! Выходи за меня замуж!

– Замуж?

– Пожалуйста! Останься со мной!

Она закусила губу, отвернулась, скрывая выступившие на глазах слезы.

– Никки, ты уверен? Я могу быть женой капитана?

– Можешь, конечно.

– О боже мой, Никки! – Анни бросилась в мои объятия.

– Мы успеем забрать ее багаж? – спросил я у пилота.

– Значит, она не летит? – улыбнулась пилот.

– Нет. Она остается, – твердо ответил я.

– Тогда забирайте багаж. Придется вводить в компьютер новый вес, – послышалось добродушное ворчание.

Анни всхлипывала и не выпускала меня из объятий. Я не знал, плакать мне или смеяться. Кажется, не мог сдержать ни слез ни радости.

Суеты с официальным оформлением брака было довольно много, но мы со всем справились быстро. В тот же день пополудни нас обвенчали в часовне кафедрального собора Церкви Воссоединения. Эдди Босс был шафером. Анни, в традиционном белом костюме с бахромой, была очаровательна и светилась счастьем. Я был в белой парадной форме. Иногда мой взгляд возносился к великолепным фрескам купола, я вспоминал о своей загубленной душе и беспокоился, что Господь Бог не благословит наш брак.

Адмирал Де Марне молча выслушал мое объяснение по телефону, но потом лейтенант Эйфертс сообщил, что адмирал нашел мою неявку извинительной и назначил повторный прием через двое суток. Не знаю, правда, простил ли он мне женитьбу на беспризорнице.

Скоро о моей необычной свадьбе знали во всем Сентралтауне и даже за его пределами. Открытки с поздравлениями прислали медсестры из госпиталя, Хармон Бранстэд и капитан Дразинский.

Алекс Тамаров все еще был без сознания.

– Ему пришлось срочно улететь на орбитальную станцию, сэр, – извинился лейтенант Эйфертс. – Возможно, он примет вас позже.

Вот так! Сам виноват. Одну возможность встретиться с адмиралом я упустил, а другая неизвестно когда представится.

– Когда он вернется? – спросил я.

– Не знаю, сэр.

Я положил трубку и задумался. Прошло уже немало времени, а передать адмиралу жалобы Хармона и Зака Хоупвелла мне так и не удалось. Что ответить плантаторам?

– Лапочка, давай навестим Алекса, – предложил я Анни.

Она протянула мне руку с предметом ее гордости – золотым обручальным кольцом, и мы отправились в госпиталь.

После взрыва Алекс ни разу не приходил в сознание, но медсестра уверяла, что его мозг жив и надежда есть. Как обычно, в уголке больничной палаты примостился на стуле Эдди. Вид у него был мрачный. Он все еще числился в моем распоряжении как шофер. До меня вдруг дошло, что если я и дальше не буду загружать Эдди работой, то придется отпустить его к прежнему командиру. Тишина в палате была невыносимой.

– Пойду принесу кофе. – Я вышел в коридор. Когда я медленно возвращался с тремя чашками, стараясь не пролить кофе, кто-то окликнул меня:

– Капитан Сифорт?

Я обернулся:

– А! Мистер Форби!

– Давайте помогу вам. – Он взял у меня одну из чашек.

– Спасибо. Как вас сюда занесло?

– Антивирусная прививка, – показал он на дверь процедурного кабинета. – Заставляют время от времени. А вы пришли навестить своего лейтенанта, сэр?

– Да, – кратко ответил я. – Если бы Форби знал, как мне не хватало моего друга!

– Адмирал Де Марне долго бушевал после покушения на вашу жизнь. Он распорядился оказывать вам всяческое содействие в расследовании.

– Мне только нужно найти Мантье.

Фредерик Мантье исчез, прихватив с собой деньги, документы и кучу вещей. Дора Мантье была вне себя от горя. Похоже, она действительно не знала, куда спрятался ее муж. Полиция Сентралтауна всюду развесила фотографии Фредерика, что вряд ли было необходимым в таком маленьком городке – богатого плантатора многие знали в лицо.

– Что они затевают? – спросил Форби, махнув рукой в сторону плантаций.

– Напрашиваются на неприятности. Я давно пытаюсь доложить об этом адмиралу, но, к сожалению, однажды не смог прийти к нему в назначенное время.

– Слышал, слышал, – съехидничал Форби. – А что касается адмирала, то он и в самом деле сейчас очень занят. Почему бы вам не встретиться на орбитальной станции?

Я остолбенел. Как же я сам не подумал об этом?

– Спасибо, Форби. Хорошая идея.

– Никки, будь осторожен, – слезно умоляла меня Анни за завтраком. – Береги себя.

– Все будет хорошо, Анни. Это всего лишь орбитальная станция. Мы были там, помнишь? Ничего опасного.

– Ничего?! Она же в космосе!

– Я скоро вернусь. А ты тут пока навещай Алекса. – Я тут же пожалел о своем предложении. Как Анни одна доберется до госпиталя? А вдруг к ней кто-нибудь пристанет?

– Эдди отвезет меня в госпиталь.

Я кивнул. Под присмотром Эдди она будет в безопасности. Он один стоит целого взвода охраны, несмотря на сломанную руку.

– Ну все, мне пора. – Я быстро обнял ее, кивнул Эдди Боссу и выскочил из электромобиля к шаттлу. Пассажиров было немного, в основном технический персонал, возвращающийся на станцию из отпуска.

Вскоре шаттл пробежал по взлетной полосе и поднялся в воздух. На высоте двух километров пилот поднял нос шаттла почти к зениту и прибавил скорость. Меня вдавило в кресло так, что я скрипнул зубами.

Испытывать перегрузки мне приходилось бесчисленное множество раз, но до сих пор никак не могу научиться воспринимать их правильно. Вот и сейчас вспомнился совет одного из инструкторов: «Не напрягайся, Сифорт. Наоборот, расслабься. Это же совсем слабая перегрузка. Чепуха! Представь, что на тебе лежит женщина. Баб ты тоже боишься?» Под ехидными смешками инструктора у меня краснели лицо, шея и руки.

Наконец ускорение кончилось, наступила невесомость. Двигатели выключились, шаттл летел по инерции, оставалось только ждать. Я начал прокручивать в голове варианты разговора с адмиралом.

При подлете к орбитальной станции я взгляделся в причалы. Почти все они оказались пусты и закрыты. Ничего удивительного: не для того треть всего космического флота послана к Надежде, чтобы бездельничать на станции. Конечно, корабли патрулировали околопланетное пространство. Лишь немногие стояли на ремонте.

Невесомость еще не кончилась, я был прочно пристегнут ремнями к креслу, но мне удалось высунуть голову в проход между рядами и посмотреть на пилота. Он был занят сложным маневрированием для причаливания. Наконец корабль пристыковался к станции, я расстегнул ремни и размял затекшие мускулы.

Дорогу к военной комендатуре станции я знал хорошо – бывал там неоднократно. Наверно, скорее всего застать адмирала Де Марне можно было именно там.

В приемной комендатуры сидел сержант сухопутных войск, то есть не наш. Взглянул он на меня без всякого интереса.

– Ваш адмирал? – равнодушно переспросил он. – Если он на станции, то скорее всего – в отделе Военно-Космических Сил, это в другом коридоре.

– А где генерал Тхо? – спросил я.

– На совещании. Подождите немного, я сообщу вам, когда он освободится.

– Не надо его беспокоить, лучше я поищу адмирала Де Марне.

– Смотрите не заблудитесь, космонавт, – усмехнулся сержант.

– Ничего, я люблю иногда побродить по гравитационной яме, – сказал я и вышел за дверь прежде, чем он успел ответить. Наши рода войск с незапамятных времен соперничают, а взаимные подколки – обычное дело.

Битый час я искал нужный мне коридор, плутая в сложном хитросплетении переходов. В приемной сидел уже знакомый мне лейтенант.

– Вам назначена встреча, сэр? – спросил он.

– Нет, но у меня к адмиралу очень важное дело. – При этом я старался напустить на себя солидный вид, но не уверен, что получилось.

– Понимаю, сэр, но адмирал, к сожалению, улетел на «Вестре». Этот корабль сейчас находится где-то за орбитой четвертой планеты.

– Жаль. – Это означало, что поднимался я на станцию напрасно. Вот дурак! Ну почему я заранее не позвонил и все не разузнал?

– Вернется он только завтра.

Конечно, корабль мог бы доставить сюда адмирала в считанные минуты, но для этого надо нырнуть в сверхсветовой режим, а на столь ничтожных расстояниях прыжки делаются лишь при крайней необходимости. Кстати, зачем адмирал так часто летает на кораблях? Как и я, соскучился по полетам?

– Сэр, может быть, сообщить ему о вас? – предложил лейтенант.

– Нет, не надо, спасибо, – быстро ответил я, не желая снова оказаться нахальным. Ведь однажды я не пришел в назначенный срок.

– Вы можете переночевать в казармах, сэр. Я уверен, адмирал это одобрит.

– Спасибо. – Я старался не обнаружить своего уныния. – Знаете, вначале мне надо тут освоиться, осмотреться.

– На четвертом уровне есть неплохой ресторан, если не хотите идти в офицерскую столовую. А чтобы узнать о прибытии кораблей, надо зайти на пост связи.

Вначале я расценил это как предложение покинуть приемную, но потом сообразил, что околачиваться тут попусту и в самом деле бессмысленно.

– Хорошо. Если «Вестра» появится, сообщите мне, пожалуйста.

– Разумеется, сэр.

Первым делом я отправился на поиски казармы Военно-Космических Сил. После долгих блужданий я все-таки нашел ее и зарегистрировался на ночевку. При казарме оказалась офицерская гостиница, в которой мне дали комнату, почти не уступающую размерами капитанской каюте на корабле.

Затем я нашел офицерскую столовую, поужинал и вернулся в тот район обширной станции, где находился офис генерала Тхо. На этот раз мне повезло. Маленький, холеный, тщательно выбритый и подстриженный генерал Тхо собственной персоной стоял у входа в комендатуру, беседуя с офицером, и заметил меня сразу.

– Мистер Сифорт, это вы? – удивленно спросил он. Для меня эта встреча тоже была неожиданной.

– Да. Да, сэр. – Мы обменялись рукопожатиями. – Как дела, генерал Тхо?

– Хорошо, просто замечательно. Давно прибыли на станцию?

– Пару часов назад. Хотел поговорить с адмиралом.

– Он на «Вестре».

– Мне уже сообщили.

– Заходите. – Он провел меня через приемную, набитую офицерами, в свой просторный, великолепно обставленный кабинет.

– Давненько не виделись, мистер Сифорт. Слышал, вас сильно ранили?

Правильнее было сказать: чуть не убили на дурацкой дуэли. Но генерал Тхо был очень тактичным человеком.

– Да. – Сообразив, что столь односложный ответ может показаться невежливым, я добавил:

– Я уже полностью выздоровел, но к полетам меня пока не допускают.

– Вы заняты с плантаторами?

– Да, сэр.

* * *

– Эти богачи мнят, будто планета вращается вокруг них. Впрочем, они недалеки от истины. Ведь мы посланы сюда именно для защиты их сельскохозяйственного бизнеса, а эта огромная станция построена в основном на их деньги. – Он указал мне на кресло, приглашая сесть. – Слава богу, с плантаторами приходится возиться вашему ведомству, а не мне.

Мой взгляд приковали экраны, заполнившие всю стену. На них с телекамер, установленных по периметру орбитальной станции, подавались изображения Надежды в разных масштабах.

– Ваши Военно-Космические Силы пытаются проглотить слишком большой кусок, – рассказывал генерал. – Три года назад вы посоветовали Форби подчиниться мне, чтобы было единое командование всеми силами ООН. С тех пор единое командование сохранилось, но главная роль принадлежит уже не нам, а Военно-Космическим Силам, поэтому заправляет всем ваш адмирал. Его полномочия превосходят даже власть местного гражданского правителя. –

Тхо достал бутылку и пару бокалов. – Будете? Хорошо. Честно говоря, я не жажду власти, у меня хватает забот с этой гигантской станцией, особенно в последнее время, когда налетели тучи ваших межзвездных кораблей.

– Не каждый способен так легко отказаться от власти, – заметил я.

– Знаете, мне очень помогают советы Уильяма. – Он с улыбкой налил мне в бокал шотландского виски.

– Кого?

– Я Уильям, – раздался сразу со всех сторон уверенный баритон.

Я аж подпрыгнул, расплескав виски.

– Извините, капитан, – заулыбался генерал Тхо. – Он говорит одновременно из всех динамик. Поначалу это выглядит немного необычно.

– Разрешите представиться, – промолвил тот же баритон, – я – компьютер 30304, более известный как Уильям.

– А... Понятно... – протянул я, стряхивая брызги шотландского виски с брюк. – Бортовой компьютер.

– Назвать меня бортовым компьютером – это все равно что назвать бортовой компьютер карманным калькулятором, – ледяным тоном произнес Уильям.

– Вот как? Извини.

– Ладно, что с вас взять, – смягчился Уильям. – Вы же ничего не знаете о мощи настоящих компьютеров, таких как я, поскольку большую часть времени провели на кораблях, где бортовые компьютеры следят за такими пустяками, как гидропоника, системы регенерации и так далее. А известно ли вам, какой объем работы приходится проделывать мне?

– Нет, – смутился я. Генерал Тхо при этом лукаво улыбался.

– Я тоже слежу за подобными системами, но только гораздо больших масштабов. Кроме этого, я принимаю и обрабатываю информацию бортовых компьютеров всех прибывающих кораблей, управляю прохождением и распределением грузов, слежу за полетами шаттлов.

– Понимаю. – Теперь я мог представить себе, какие невероятные массивы информации хранятся в его памяти. Должно быть, размер его оперативной памяти просто сумасшедший.

– Извините, что прервал вашу беседу, но позвольте мне еще сказать, что я много слышал о вас, капитан Сифорт.

– В самом деле? – Неужели этот Уильям тоже читает журналы?

– От Дарлы. Она, правда, весьма своенравна, – хихикнул компьютер, – поэтому я выслушал ее рассказ с долей скепсиса.

Вначале я хотел спросить, чему именно не поверил Уильям в сообщении моего прежнего бортового компьютера, но на всякий случай решил не задавать опасных вопросов.

– Спасибо, – сказал я.

Уильям не ответил, по-видимому из вежливости, чтобы не мешать моей беседе с генералом. Я возобновил разговор.

– Сэр, что вам известно о базе на поверхности? – спросил я.

– На Вентурах? Я там ни разу не был. Насколько я понимаю, командование ООН решило устроить там большую военную базу, чтобы планета могла защищаться не только из космоса или с воздуха. Не понимаю, – покачал он головой. – Ведь на поверхность планеты можно вторгнуться лишь в том случае, когда будет разбит весь космический флот, а в этом случае наземные силы уже не помогут.

– Будем надеяться, что Господь этого не допустит.

– Кроме того, какой смысл размещать базу так далеко от Централтауна, аж на другой стороне планеты? – Генерал Тхо скривился, всем своим видом показывая отношение к неразумному начальству. – Надо было разместить базу рядом с плантациями.

– Какое там оборудование и вооружение?

Генерал задумчиво отхлебнул немного виски, вспоминая.

– На базе есть автоматические лаборатории для синтеза всех видов вакцин, как анти-вирусных, так и антимикробных. А основное оружие – лазеры. Множество лазерных пушек. Не знаю, правда, успели ли они подключить их к какому-нибудь мощному источнику электро-энергии.

– Лазеры против рыб не очень-то помогают. Эти бестии исчезают, как только почувствуют на своей шкуре первые лазерные лучи.

– А какое оружие вы предлагаете? Уж не ядерное ли? – хохотнул генерал Тхо.

Боже упаси! Конечно, Тхо шутил, но с такими вещами даже шутить не следует. Сразу после Последней Войны правительства всех стран единодушно выступили за запрещение этого варварского оружия. Сто сорок лет прошло, а последствия ядерного взрыва, озарившего тогда небосвод Земли, все еще сказываются. С тех пор действует закон, под страхом смерти запрещающий не только применение ядерного оружия, но даже любое предложение о его использовании.

Мы допили виски. Генерал Тхо взглянул на часы. Я понял, что пора уходить. На прощанье мы пожали друг другу руки, и я отправился к себе в гостиницу.

Спалось мне на удивление хорошо. Утром я позавтракал яичницей с жареными ломтиками хлеба. Когда я пил кофе, гардемарин принес мне в номер микродискету с информацией, поступившей на мое имя из Централтауна. Я с нетерпением вставил ее в свой электронный блокнот и прочитал:

«Лейтенант Тамаров вышел из комы. Пока он много спит, но сознание ясное. Мне кажется, вам хотелось бы узнать об этом приятном факте как можно скорее.

Форби».

Слава Богу!

– Передать ваш ответ? – спросил гардемарин. Подумав секунду, я сказал:

– Нет. Можете идти.

Это был один из лучших завтраков в моей жизни.

Зато после я не знал, куда приткнуться. На всякий случай позвонил в кабинет адмирала Де Марне (вдруг его лейтенант забыл сообщить мне о прибытии «Вестры»), но дело оказалось не в забывчивости лейтенанта, а в том, что корабль с адмиралом все еще мотался бог знает где. Тогда я решил прогуляться до поста связи. Он находился на другой стороне диска станции – огромное расстояние, – но я жизнерадостно преодолел его подпрыгивающей походкой. Друг выздоровливает!

На посту связи Военно-Космических Сил было не до меня. Радисты едва обратили на меня внимание сверхкратким отданием чести и даже не встали по стойке смирно. Вроде это было оправданно – ведь станция находилась в повышенной боеготовности, поэтому солдаты не имели права отрываться от дел ни на секунду. Я сел в ближайшее кресло.

– Много работы? – спросил я у техника, явно не обремененного заботами.

– Практически нет, сэр. Все делают компьютеры, а нам нечем заняться. А вы случайно не капитан Сифорт?

– Он самый.

– А вы не могли бы... – он порылся в карманах и достал кусочек бумаги. – Извините, если покажусь слишком навязчивым, но, может быть, вы дадите автограф?

Каков наглец! До чего упала дисциплина в Военно-Космических Силах! Пока я подыскивал слова, чтоб приструнить разгильдяя, он под моим разгневанным взглядом быстренько сунул бумажку обратно в карман и испуганно пробубнил;

– Простите, сэр.

Я облегченно вздохнул. Конечно, он наглец, но все-таки помнит о дисциплине.

– Ничего. Давай свой листок сюда, – смягчился я. Ну как не пожалеть этих бедолаг, вынужденных целыми днями бездельничать? Я легкомысленно накарябал на услужливо подсунутом мне листке свою фамилию. После этого на меня обрушился целый поток аналогичных просьб. Все техники застенчиво столпились вокруг меня и бог весть откуда начали извлекать кусочки бумаги. Пришлось раздавать автографы.

– Я узнал о вас из журнала, сэр. Вы видели свой портрет на обложке «Ньюс уолд»? – спросил один из техников. Его сосед тут же ткнул его локтем в бок со словами:

– Не задавай глупых вопросов, болван! Конечно, видел.

Я изобразил вежливую улыбку. Конечно, я не видел того портрета. После массовой раздачи автографов настала неловкая тишина.

Из динамика послышался голос:

– Станция, мы собираемся снова проверить воздушный шлюз. Не примите наши сигналы за настоящую аварию.

– Хорошо, «Порция», – ответил техник. Мое сердце затрепетало:

– «Порция» здесь?

– Так точно, сэр. Сейчас она на ремонте.

– Где же? – Я решительно встал. – Я хочу посмотреть свой бывший корабль.

Мне охотно объяснили, как добраться до ремонтного отделения, и я поспешно направился туда. «Порция» была первым кораблем, командиром которого я был с самого начала полета. Тогда я был счастлив. Моя жена Аманда была беременна нашим сыном, рядом со мной были друзья Вакс Хольцер и Алекс.

Пробравшись в ремонтное отделение, я вошел в шлюз и нажал кнопку внутреннего люка. Он плавно открылся. За ним по стойке смирно вытянулся гардемарин, совсем еще мальчишка.

– Добрый день, – сказал он.

– Вольно. Я капитан Сифорт. Можно войти?

– Капитана Акерса на борту нет, сэр. Присутствует лейтенант, но он спит, и главный инженер, он сейчас занят ремонтом.

– Мне не нужен капитан Акерс. – Я испытывал неловкость. Как внятно объяснить гардемарину цель моего визита? – Дело в том, что «Порция» была моим кораблем. Я просто хотел... – Нужных слов не находилось. Разве ностальгию можно выразить словами? Наверно, я выглядел идиотом. – Я бы хотел просто посмотреть этот корабль, капитанский мостик.

Мальчишка растерялся, занервничал, не зная, как реагировать на странную причуду старшего офицера. Впрочем, такое поведение гардемаринов естественно. Ведь достаточно одного моего слова, чтобы его немедленно выпороли.

– Я думаю, наши офицеры не будут возражать, сэр, – ответил он наконец. – Капитанский мостик находится в том направлении.

– Знаю. – Я едва сдерживал улыбку.

– Да, конечно, сэр, извините, – залепетал он, краснея за свою оплошность. – Заходите, пожалуйста. Я доложу лейтенанту.

– Хорошо.

Он побежал будить лейтенанта, а я отправился на капитанский мостик. Мой путь лежал мимо капитанской каюты, где я провел столько счастливых дней с Амандой и сыном Нэйтом. У меня защемило сердце. В этой же каюте Нэйт умер. Я почти физически ощутил близость Аманды. Потом я прошел мимо лейтенантской каюты, где когда-то жил Вакс Хольцер. Когда Тремэн выгонял меня с «Порции», я отверг помощь Вакса и потерял его как друга. В гардемаринской каюте жил Филип Таер. Нелегко далось ему искупление прежних грехов. А вот и вторая лейтенантская каюта Алекса Тамарова. Он мстил Филипу долго и изощренно, пока не понял, что месть начала пожирать его самого. Бедный Алекс! Ему тоже пришлось нелегко.

Дверь на капитанский мостик оказалась открытой. Во время ремонта это разрешалось.

Я вошел, посмотрел на многочисленные экраны, занимавшие большую часть стен. Разумеется, ни на одном из них изображения не было. Но бортовой компьютер должен был работать. Я произнес:

– Дэнни!

Когда-то Дэнни считал себя моим другом, а теперь почему-то не отвечал. Помнится, мы подолгу беседовали с ним.

– Компьютер, ответь, пожалуйста, голосом! – попросил я.

– Компьютер D20471 слушает. Пожалуйста, представьтесь, – произнес металлический голос.

Куда подевалось его озорство? Никаких человеческих интонаций. Зачем они заставили его отключить программу человеческого общения?

– Я капитан Военно-Космических Сил ООН Николас Сифорт. Говори со мной по-человечески.

– Спасибо, капитан, – послышался низкий женский голос.

Откуда это контральто? Что они с ним сделали?

– Дэнни, почему у тебя изменился голос?

– Я Диана, сэр. Бортовой компьютер «Порции».

Я рухнул в капитанское кресло.

– А где Дэнни? – спросил я, плохо соображая.

– Моя память хранит всю информацию, которой обладал Дэнни, сэр.

– Где же Дэнни?

Из коридора послышался раздраженный голос:

– Гардемарин, если еще разпустишь кого-нибудь на борт без разрешения, я тебя выпорю так, что...

Я обернулся. Увидев меня, лейтенант запнулся на полуслове и поспешно начал докладывать:

– Лейтенант Толливер... – Он снова запнулся, вытаращил на меня глаза.

Мы изумленно смотрели друг на друга, медленно узнавая. Да это же тот самый Эдгар Толливер! Мой давний мучитель. Старше меня на один год, на один класс, он к тому же был главным в нашей казарме. Я окупился в вихрь печальных воспоминаний.

Еще раз скользнув взглядом по моим знакам различия, он вытянулся по стойке смирно.

– Вольно, – разрешил я. – Что случилось с Дэнни?

– Когда я пришел на этот корабль, бортовой компьютер уже назывался Дианой, сэр. Насколько мне известно, адмирал Тремэн сменил компьютеру личность в первые же дни пребывания на «Порции».

– Но зачем? – с досадой спросил я. Эдгар пожал плечами:

– Возможно, чтобы обезопасить себя на тот случай, если вы запрограммировали компьютер на саботаж, сэр.

– Диана, что случилось с Дэнни, с его личностью? – спросил я, глядя на динамики.

– Его личность полностью разрушена.

– Ее можно восстановить? – Дурацкий вопрос. Ответ мне был известен.

– Нет, сэр. Это невозможно.

Какая утрата! Бывало, я беседовал с моим другом Дэнни, как с человеком. Казалось, у него есть душа. Он утешал меня после смерти Аманды. И вот он сам умер.

Дерек, Дэнни, Вакс... Друзья уходят.

Вдруг я почувствовал на щеках слезы. А у входа стоял Толливер. Надо было взять себя в руки.

– Жаль, – пробормотал я. – Слишком большая потеря.

– Это же всего лишь компьютер, сэр.

– Спасибо, что приняли меня в гости. – Я покидал капитанский мостик с тяжелым сердцем. В коридоре украдкой смахнул слезу. Толливер и гардемарин проводили меня до шлюза.

В раздумьях я побрел к посту связи станции. Не будет ли богохульством помолиться за упокой души Дэнни? Может быть, будет, но я решил это сделать. Вдруг Господь Бог услышит меня, грешного?

На посту связи техник в наушниках возбужденно с кем-то переговаривался:

– «Свобода», вас понял, две цели в семнадцатом квадранте.

– Станция, «Калумет» движется в четвертый сектор, квадрант шестнадцатый согласно приказу, – доложил голос из динамика.

– Что случилось? – спросил я.

– Рыбы! – крикнул техник. – Установлено точно. Это не ложная тревога. «Свобода» уже вступает в бой, вот-вот подключится «Валенсия», остальной флот спешит им на помощь.

Я опустил в кресло и напряженно слушал сообщения кораблей о своих позициях, приказы командиров, подтверждения.

– Докладывает «Свобода». Нас атакуют две рыбы! Разрешите нырнуть в сверхсветовой режим, – прозвучал взволнованный голос капитана Тенера.

– Где «Валенсия»? – Это, несомненно, был голос Де Марне, тоже взволнованный.

– «Валенсия» здесь, сэр. Координаты восемнадцать, сто тридцать пять, шестьдесят два. Полчаса лету до «Свободы».

– Ладно, «Свобода», ныряйте. Прыгайте на минимально возможное расстояние. При всплытии немедленно доложить!

– Есть, сэр. Инженерное отделение, приготовиться к прыжку!

Вскоре сигналы «Свободы» исчезли. Корабль, летящий со сверхсветовой скоростью, становится изолированным от внешнего мира.

– Докладывает «Валенсия». Куда лететь?

– Мистер Гровс, ждите всплытия «Свободы». Если она вынырнет неподалеку, летите к ней в обычном режиме, в противном случае прыгайте к ней.

– Есть, сэр. Черт! Еще три рыбы! Две впереди, одна сбоку. Сейчас откроем огонь.

– Говорит «Орленок». Вижу три цели, – доложил капитан Дражинский.

– Всем кораблям! Внимание! Приступить к маневру В! – приказал адмирал Де Марне.

Сжав кулаки, я впивался глазами в экраны, на которых медленно маневрировала космическая армада. Реактивные двигатели включились на полную мощность, извергая снопы пламени. Большинство кораблей было распределено в пространстве на расстоянии нескольких часов лета друг от друга.

– Докладывает «Свобода». Мы вынырнули. Новые координаты: одиннадцатый квадрант, восемнадцать, два и три десятых, три.

– Вас понял, мистер Тенер.

– Что теперь... Боже мой!

– Что случилось, «Свобода»?

– Четыре, нет, пять, а вот и шестая рыба! Совсем рядом! Все летят к нам! Они бросают в нас своими шарами! Декомпрессия! Срочно задраиваем все... – на этом сигнал «Свободы» оборвался.

– Докладывает «Валенсия». Нас атакуют две рыбы. Отстреливаемся. Одну рыбку вспороли! Ага! Внутренности так и брызжут!

С пересохшим от волнения горлом я вслушивался в обрывки докладов, отчаянные и победные крики. Орбитальную станцию огласили сирены тревоги, загремел голос:

– Внимание! Внимание! Всему незанятому персоналу и пассажирам немедленно покинуть станцию! Шаттлы отправляются через три минуты!

Я побежал к комендатуре Военно-Космических Сил. В приемной никого не было. Я бросился в штаб.

– Чем могу помочь? – с ходу спросил я.

– Не путаться у нас под ногами, – раздраженно ответил капитан. – Вы не при исполнении служебных обязанностей.

– Может быть, я смогу...

– Спускайтесь лучше на поверхность, мистер Сифорт! Если рыбы нападут на станцию, вы ничем не сможете помочь.

– Есть, сэр, – нехотя ответил я. Пре皮раться в такой обстановке было невыносимо.

Я подбежал к шаттлу как раз в тот момент, когда его люки только-только начали задриваться. Проскользнув внутрь, я плюхнулся в кресло. Теперь можно было отдышаться.

– Уважаемые пассажиры, приготовьтесь, пожалуйста, к полету. Диспетчер, шаттл «Лис Чарли» четыре-ноль-шесть в полету готов.

Ответ диспетчера последовал немедленно:

– Полет разрешаю, четыре-ноль-шесть.

Включились реактивные двигатели, вначале на минимальную мощность. Шаттл медленно отчалил. Я напряженно смотрел в иллюминатор. Громадина орбитальной станции удалялась, постепенно превращаясь в маленький диск, подвешенный в звездной пустоте.

Пилот прибавил двигателям мощности. Шаттл вошел в атмосферу Надежды и превратился из космического корабля в обычный самолет. Показался аэродром, крылья шаттла изменили форму для вертикальной посадки. Скорость снизилась, мы плавно опустились.

Как только гул двигателей затих, я отстегнул ремни безопасности и поспешил к выходу. Наконец люк открылся, Я спрыгнул на летное поле и понесся к Адмиралтейству, перепрыгивая через ступеньки, взлетел на крыльцо и, не успев отдышаться, выпалил изумленному лейтенанту Эйфертсу:

– У вас есть связь с орбитальной станцией?

– Конечно, сэр. В кабинете тактики.

– Кто из капитанов на месте?

– Никого, сэр, только вы.

Поколебавшись, я принял решение:

– Тогда я поднимаюсь наверх.

Лейтенант не посмел возразить. Взяв по лестнице, я представлял неприятную встречу с Ваксом Хольцером.

– Смирно! – загремел чей-то голос, когда я вошел в аудиторию.

Лейтенанты и гардемарины вскочили.

– Вольно, – сказал я с облегчением, заметив, что Вакса среди них нет, сел на первое попавшееся свободное место и приказал:

– Доложить обстановку.

– Лейтенант Энтон, сэр. Рыбы хаотически выныривают и атакуют флот. Наши корабли осуществляют маневр В, как и предусмотрено планом. Он вам, конечно, известен.

– Нет! Чтоб тебя... – я прикусил язык. Этот лейтенант не виноват в том, что мне до сих пор не дали корабля. – Когда план распространялся, я выполнял задание, не связанное с полетами.

– Понимаю, сэр. Флот был рассредоточен равномерно по секторам для повышения вероятности обнаружения рыб. Когда рыбы напали, адмирал приказал кораблям сгруппироваться во флотилии и занять заранее намеченные позиции. Это и есть маневр В. Любой корабль, подвергшийся нападению, становится местом сбора остальных кораблей флотилии.

– Дальше.

– К настоящему моменту вынырнуло около тридцати рыб, сэр.

– Но это же... – Господи! С таким количеством этих чудищ нам еще не приходилось сталкиваться. – Какие вам дали указания?

– Адмирал руководит сражением с «Вестры», сэр. Он постоянно держит связь с орбитальной станцией, которая ретранслирует его сигналы остальным кораблям. Если бы в момент нападения рыб адмирал оказался здесь, то руководил бы отсюда. Для этого здесь установлена надежная связь со станцией, в его отсутствие наша работа заключается в следующем: записывать все сообщения и быть готовыми в любой момент взять на себя функцию главного пункта связи, если...

– Если что?

– Если орбитальная станция выйдет из строя, сэр.

– Господь не допустит этого. – Я посмотрел на экраны, пытаюсь разобраться в происходящем. – Что еще вам известно, лейтенант?

– На корабле «Свобода» из-за повреждения произошла разгерметизация и декомпрессия. «Валенсия» уничтожила двух рыб, а «Гибберния» – четырех.

– Хорошо.

* * *

В настенном динамике раздался щелчок, потом прозвучал голос.

– Говорит «Непоколебимый». Около нас вынырнули две рыбы. Черт бы их... Уже три рыбы! Открываем огонь.

– Хорошо, «Непоколебимый». Вас поддержит «Орленок», – послышался голос Де Марне.

– Так точно, сэр. Слышь, Дражинский? Я тебе звякну сразу, как только ты нам понадобишься.

Черный юмор.

– Отставить шуточки! – прикрикнул адмирал.

– Есть, сэр, – ответил капитан «Непоколебимого».

– «Орленок» на связи. Эти подлые чудища ныряют, как только их ранят! – ругался Дражинский. – Еще две рыбины!

Следя по экранам за ходом сражения, я пытался уловить в поведении рыб хоть какую-нибудь закономерность. Что это, организованное нападение разумных существ или слепая ярость безмозглых чудовищ? Понять это было невозможно.

– Адмирал, докладывает «Орленок». Мы получили пробоину, разрушено одно сопло. Одна рыба убита.

Без одного сопла корабль теряет способность быстро маневрировать.

– На связи «Непоколебимый». Рядом с нами вынырнули четыре рыбы. Две прямо у корпуса. Боже мой, они... – Голос капитана оборвался на полуслове.

Господи, спаси наших людей!

– Откуда, черт возьми, эти бестии пришли? – с досадой спросил лейтенант Энтон. – Заметив, как я нахмурился на его богохульство, он поспешил добавить:

– Простите, сэр.

Что я мог ему ответить? Я и сам хотел знать, откуда взялись рыбы. Но более важен другой вопрос: что им надо? Зачем они нападают на нас?

Из динамика зазвучал спокойный голос Де Марне:

– Станция, «Вестра» атакована. Пока только одна рыба. Она метнула в нас щупалец. Думаю, нам удастся уклониться. – Долгая пауза. – Если я не отвечу в течение десяти минут, считайте, что я потерял управление. Тогда-командующим будет командир корабля «Электра» капитан Ворхиз. Станция, как поняли?

Ответил сам генерал Тхо:

– Вас понял, адмирал. Ваш приказ записан.

Я представил себе, как этот низкорослый смуглолицый человек нервно расхаживает по кабинету, теребя усы.

– Адмиралтейство, а вы записали приказ? – спросил адмирал.

– Так точно, сэр, – ответил лейтенант Энтон.

– Кто говорит?

– Я Энтон, сэр. Здесь же находится мистер Залл, радисты и три гардемарина. Внизу дежурит мистер Эйфертс.

– Значит, ты старший?

– Так точно, сэр. Правда, тут еще есть капитан Си-форт.

– Сифорт? Какого чер... Дай его сюда!

Я схватил микрофон:

– Слушаю, сэр.

– Сифорт, ты знаешь устав. Не вздумай вмешиваться.

– Есть, сэр. – Я густо покраснел.

– Ладно, это неплохо, что ты там. Если со мной что-то случится, ты будешь старшим в Адмиралтействе до особого распоряжения командующего местным флотом.

– Есть, сэр.

На этом адмирал прервал связь.

Несколько мучительных часов мы сидели, следя за ходом боя, выслушивая краткие доклады. Наконец рыбы перестали появляться.

Наш флот потерял «Непоколебимого» и «Свободу». «Орленку» удалось отбиться и с временными заплатами дотянуть до орбитальной станции.

Потеряли мы и «Валенсию».

Нападение рыб прекратилось столь же внезапно, как и началось. Несколько часов прошло в ожидании новой атаки. Корабли настороженно прощупывали космическое пространство, но чудищ нигде не было. Долго держать экипажи в постоянной боеготовности невозможно, поэтому пришлось дать отбой.

Я покинул Адмиралтейство поздно вечером, измотанный до предела. Хотя мне приходилось только смотреть и слушать, но чувствовал я себя так, словно воевал сам. Натянутые нервы трепетали от страха и адреналина.

Погруженный в переживания, я долго искал свой электромобиль, пока наконец не вспомнил, что Эдди и Анни подвезли меня до аэродрома еще вчера. Я приказал гардемарину отвезти меня домой на машине Адмиралтейства. В конце концов, на данный момент я был старшим офицером Адмиралтейства.

Электромобиль мчался по пустынным улицам, я мучительно размышлял. Откуда приходят рыбы? Неизвестно. Земные ксенобиологи предположили, что эти чудища возникли на гигантской газообразной планете вблизи одной из далеких звезд. Но это была всего лишь гипотеза. Неизвестно также, кто кем управляет: рыбы живущими в них шарообразными существами (так называемыми наездниками) или наездники – рыбами? Возможно, они сожительствоуют на равных правах. В биологии это называется симбиоз. Надежно было установлено только одно: и рыбы, и их наездники являются одноклеточными существами невиданных прежде масштабов. Оставалось загадкой – есть у них разум или они повинуются только инстинктам?

– Пардон, сэр, это ваш дом? – спросил гардемарин. Я очнулся от размышлений, кивнул.

– Да, остановись.

Я вылез из машины, отпустил гардемарина. Вдали раздались выстрелы. Наверно, на окраине дрались пьяные.

Итак, о чем я думал? О чудищах. Под властью ООН находится семнадцать населенных планет с прекрасным климатом. В будущем их станет еще больше. Кроме того, несколько планет, мало пригодных для жизни, используются как источники полезных ископаемых и прочего сырья. Защитить от чудищ такое количество планет космический флот ООН не способен. Для этого требовалось увеличить его численность на порядок, а каждый корабль – это колоссальные расходы.

* * *

Я медленно брел по тротуару, не замечая слабых двойных теней от двух местных лун Минора и Мажора. Возможно ли бросить все эти планеты-колонии, забрать оттуда людей на Землю? Вряд ли. Даже если бы это было осуществимо, все равно опасность сохранялась бы. Разве что навсегда прекратить сверхсветовые полеты, чтобы не привлекать чудищ N-волнами. Но и эта мера, возможно, запоздала. Рыбы уже нашли Землю. Вернее, в Солнечной системе побывала одна рыба, проткнутая моим «Дерзким», когда, отчаявшись уцелеть в неравной битве, я пошел на таран.

Я приложил большой палец к замку, распознающему отпечатки пальцев, осторожно открыл дверь и тихо, чтоб не разбудить Анни, вошел в квартиру.

Пока мы не выясним, сколько всего существует рыб, мы не сможем ответить на важный вопрос: сможет ли наш флот противостоять их натиску? Только за один день боев мы потеряли три корабля и их экипажи. Некоторые из этих людей были у меня в гостях в этой квартире. Капитан «Свободы» Тенер пропал без вести. Скорее всего, он погиб. Лейтенант Тер Хорст с корабля «Непоколебимый»...

Я прокрался к своему любимому креслу, снял ботинки. Вот как бывает... Мистер Тер Хорст рвался в бой, жаждал битвы с чудищами, как легкого развлечения, но его оптимизм обернулся трагедией. Из спальни послышался стон Анни. Видимо, ей снился кошмар. Может быть, лучше было бы отпустить ее на Окраину? Сумел бы «Конкорд» добраться до этой далекой планеты или его растерзали бы рыбы? Правильно ли я поступил? Что я сделал: спас Анни жизнь или здесь она будет в еще большей опасности?

Анни снова застонала. Я встревожился. Не хватало еще, чтобы кошмары начали мучить мою жену так же, как и меня. В чем же дело? Раньше с ней такого не было...

Я на цыпочках пошел к спальне. Скоро утро, надо хоть немного поспать, а потом спешить в Адмиралтейство. Слышно было, как Анни ворочается во сне. Бедняжка, надо разбудить ее, прервать страшный сон. Открыв дверь, я нежно заговорил:

– Лапочка, проснись, тебе...

Широкая спина, мощные ноги, зад, ерзающий между раздвинутых женских бедер, кожа, мерцающая в свете двух лун... Движение прекратилось, два голых тела оцепенели в жуткой тишине. Мужчина повернул голову в мою сторону.

Анни. Эдди Босс.

На мгновение все замерло. Оно показалось мне бесконечностью.

Я опрометью выскочил из спальни, в кромешной тьме промчался в гостиную к ботинкам. Из спальни донесся звук открываемого окна. Я лихорадочно шарил под креслом, нащупывая ботинки.

Эдди. Анни. Я ударился о кофейный столик. Где, черт возьми, эти проклятые ботинки? Дверь спальни открылась, мрак слегка рассеялся. Ботинки оказались у дивана, там же, где я их оставил.

Вошла Анни в халате, накинутом на голое тело.

– Никки?

Я спешно завязывал шнурки на левом ботинке, одновременно всовывая ногу в правый.

– Ник...

Я метнулся к двери, с силой распахнул ее и выскочил на улицу, едва сдерживая рвотные позывы. После мрака квартиры глазам было больно от света лун. Жмурясь, я шел, куда несли ноги. Наконец и набрел на свой электромобиль, но чувствовал, что управлять им в таком состоянии не смогу. Пришлось идти пешком. Я шел, ускоряя шаг, задыхаясь, пока дома не сменились офисами и магазинами центра города.

Как ни старался я выбросить из головы кошмарную сцену в спальне, проклятые образы лезли и лезли. В тиши ночного города мои шаги звучали ужасающе громко.

Я шел, втянув голову в плечи, сунув руки в карманы. Меня преследовало чье-то надрывное пыхтение; вдруг я понял, что это мое собственное дыхание, и сбавил темп. Так я прошел улицу, другую, аллею. Сзади слышались громкие шаги, но уже не мои.

– Эй, послушай! – Чья-то рука грубо развернула меня за плечо.

– Что вам надо? – спросил я.

– Как насчет денег? Одолжишь до полочки?

Я посмотрел на его разбойничью рожу, на пару широкоплечих дружков за ним.

– А он культурный, – хохотнул один из них. – Ну-ка, врежь ему.

Я резко сбросил руку с плеча. Ухмылки хулиганов исчезли, блеснул нож. Я изо всех сил ударил ближайшего в наглую морду, он отлетел, ударился башкой о стену и сполз на тротуар с закаченными глазами.

– Ах ты сучонок, мать твою... – зарычал один из оставшихся и пошел на меня с ножом.

Его корявое произношение напомнило мне Эдди Босса. С диким ревом я перехватил и вывернул ему руку с ножом, саданул коленом под дых. Незадачливый грабитель сложился напополам. Пока он выполнял этот несложный маневр, я врезал ему коленом в лицо так, что оно хрустнуло. Третий хулиган на мгновение оцепенел, но живо развернулся и дал деру, как только я двинулся на него.

Я долго гнался за ним по аллее, но безуспешно. Его страх оказался сильнее моей ярости. Грабитель медленно отдалялся, пока совсем не пропал из виду. Я упал на колени. Легкие разрывались, сердце стучало молотом. Постепенно туман в глазах рассеялся. Отдышавшись, я встал и бродил в центре города, пока не открылся первый ресторанчик. Я заказал чашку горячего кофе; на большее не хватало денег. Они вместе с удостоверением остались в кителе, который я в горячке сумасшедшей ночи забыл в гостинной.

За кителем придется вернуться. И не только за ним – я не могу позволить себе купить всю одежду заново. Значит, как это ни прискорбно, придется увидеться с ней. Хорошо, что всего лишь на минуту. Где жить? Можно снять другую квартиру или перебраться в казарму Военно-Космических Сил, туда меня пустят. Расплатившись, я вышел на улицу.

Квартира, куда мне предстояло вернуться за вещами, находилась на западном краю города. Грязный, усталый, я потащился туда пешком, хотя ноги уже болели. Прошла целая вечность, когда я наконец увидел балкон, на котором еще недавно наслаждался идиллией семейной жизни. Помедлив перед дверью, я собрался с духом и вошел.

На диване лежала Анни с заплаканными глазами.

– Никки?

Я не обращал на нее внимания и быстро собирал вещи. Сначала китель, потом бумаги и все остальное. В офицерской форме я почувствовал себя чуть уверенней.

– Прости, Никки. – Она привстала, села. – Я не хотела тебя обидеть.

Так, теперь надо взять кое-что из вещей. Я вошел в спальню, открыл шкаф, швырнул на кровать свою сумку. Анни уже успела сменить постельное белье на чистое, как будто это могло... Хватит! Я заставил себя об этом не думать. Итак: нижнее белье, рубашки, носки. Я быстро сбросил грязную рубашку и надел новую.

В двери спальни остановилась Анни.

– Поговори со мной, Никки, пожалуйста.

Вещи сложены. Я застегнул сумку. Анни стояла в двери с явным намерением меня не выпускать.

– Ты должен понять одну вещь, – заговорила она с противным акцентом, уродуя слова, умоляюще лоя мой взгляд. – Я не хочу тебя обижать. Пойми, мы с Эдди одна банда. Все трахались вперемешку. Еще в Нижнем Нью-Йорке! Мы делать это всегда, даже на кораблях. Я делала не только с Эдди, много было.

Я старался не слышать, не обращать внимания, смотреть только на шкаф. Не забыл ли чего? Что еще мне понадобится в казарме?

– Если не говоришь, слушай. – Она села на кресло у двери, – Я не хочу ты уходить. Оставайся. Ты будешь мне мужем.

– Только до тех пор, пока Церковь не аннулирует наш брак, – сказал я так резко, что она вздрогнула.

– Никки, что для тебя сделать?

– Ничего.

– Но я люблю тебя! – Она заплакала. – Я не хотела, что мы делали!

Отбросив ее от двери пощечиной, я быстро ушел прочь.

К казармам я поехал на электромобиле. Прежде мне там бывать не доводилось, знал только, что они где-то за госпиталем Сентралтауна. После двух-трех поворотов я окончательно запутался и вернулся к госпиталю, чтобы искать дорогу сначала. Здесь я вспомнил, что Алекс двое суток назад выбрался из комы, а я его давно не навещал.

Наконец я нашел казармы. Скучающий на вахте старшина выделил мне комнату. Я бросил на кровать сумку и поспешил в госпиталь.

Осторожно, чтобы не разбудить Алекса, я открыл дверь его больничной палаты, но он, к счастью, не спал и даже не лежал, а сидел у окна в пижаме.

– Привет, Алекс! Как ты себя чувствуешь?

– Сегодня неплохо. – Он смотрел на меня с любопытством. Наверное, ждал новостей.

– Слава Богу! Мы так беспокоились, – Я присел на кровать. – Ты так долго не приходил в сознание...

– Врачи говорят, одиннадцать дней.

– Как твоя голова?

– Нормально, только я пока слаб, как ребенок.

– Ну, это легко поправимо, – улыбнулся я и собрался живописать, как мы с Анни будем его потчевать, но вдруг вспомнил... Улыбка моя померкла. – Ничего, со временем поправишься, – Я смущенно уставился в пол. – Знаешь, я должен тебе кое-что сказать.

– Что? – В его голосе проскользнула тревога, словно он уже знал недобрые вести.

Значит, здесь уже побывала Анни? Или Эдди?

– Понимаешь, Алекс, нехорошо все складывается. – С чего начать? Я тоскливо посмотрел в окно. – Плантаторы очень недовольны. Я не смог передать адмиралу их жалобы. А насчет моей личной жизни...

6

– Не надо...

– Дай мне договорить. – Как ни трудно мне было рассказывать ему об этом, но я должен был выговориться, иначе нервный ураган взорвал бы меня изнутри. – Мы с Анни... Пока ты лежал в коме, мы с ней и Эдди Боссом навещали тебя почти каждый день. Потом ее собирались отправить с другими беспризорниками на «Конкорде». Чтобы удержать Анни здесь, я женился на ней. Конечно, мне хотелось подождать, чтобы пригласить тебя на свадьбу, но ждать было нельзя. – Как же сказать ему о главном? Собравшись с духом, я выпалил:

– Алекс, она была с Эдди. Они спарились в моей спальне. Я видел. Теперь я получил комнату в казарме, но не знаю, что делать дальше. – Мой голос дрожал. – Пожалуйста, помоги мне.

Наступила тишина. Наконец, Алекс произнес странную фразу:

– Может быть, для начала ты расскажешь мне, кто ты такой?

Прошел час. Алекс сидел на кровати, я – в кресле. Разговор был нелегким.

– Ты даже Академии не помнишь? – спросил я.

– Пытался вспомнить. Думаешь, я не хочу вспоминать?

– Пойми меня, – терпеливо успокаивал я его, – это не упрек. Просто я хочу понять, какие у тебя остались воспоминания.

– Об этом спрашивали меня и доктора.

– Ты можешь рассказать это и мне?

– Зачем?

– Мы же с тобой друзья. Старые друзья.

– Прошлое для меня погубило, – горько промолвил он. – Как ты этого не понимаешь?

– Не понимаю! – крикнул я. – И никогда не пойму!

– Ладно, – сардонически улыбнулся он, – возможно, ты прав. Слушай. Когда я очнулся и увидел, что лежу на больничной койке, то долго пытался вспомнить, как я сюда попал. Но ничего в голову не приходило. Что это за госпиталь, где он может находиться? Врачи сказали, что это планета Надежда. Это название мне почти ничего не говорило. Когда-то я слышал о такой планете, но... Это словно давно прочитанная книга, содержания которой почти не помнишь. Когда врачи называли меня Алексом, я воспринимал это нормально, потому что свое имя помню. Хорошо, хоть это осталось в моей памяти. Какой кошмар!

– Продолжай.

– Потом мне сказали, что я лейтенант Военно-Космических Сил. Я не чувствую в этом ничего необычного, но не помню, как стал лейтенантом. Ведь вначале надо некоторое время побыть гардемаринком, так?

Я кивнул.

– Еще я помню свою мать, она живет в Киеве. По утрам она давала мне завтрак, а потом я шел в школу. – Вдруг он встрепенулся. – Она жива?

– Не знаю, Алекс.

– Ты же говорил, что ты мой самый близкий друг.

– До встречи на этой планете мы не виделись полгода. А отсюда до Земли много месяцев полета.

– Если с ней что-то случилось... – Его глаза подернулись пеленою слез.

– Я уверен, что она здорова и все у нее хорошо.

– Когда я шел в школу, под ногами похрустывал снег. Помню класс... Остались лишь детские воспоминания, а я ведь уже взрослый!

– Вспомнишь и остальное.

– Ты уверен? Я вздохнул:

– Нет.

– Лучше умереть, чем жить без памяти! – Алекс отвернулся, пряча слезы.

– Ничего, Алекс. – Я положил руку ему на плечо. – Все будет хорошо.

Он раздраженно передернул плечами:

– Убери свою чертову руку!

Я плелся в казарму, пошатываясь от усталости. В небо вонзался шпиль кафедрального собора Церкви Воссоединения, где мы с Анни венчались. Я пытался вытравить из памяти ее ослепительную улыбку, сверкающее рубиновое ожерелье, свою довольную физиономию, когда я произносил клятву верности пред алтарем.

Клятву верности до гроба. «Пока нас не разлучит смерть». Впрочем, необязательно. Брак можно расторгнуть. Я криво усмехнулся. Развод, разрешенный Церковью, отменит наши клятвы. Значит, это не клятвы, а пародии. Измена является веской причиной, хотя некоторые секты даже в этом случае неохотно разрешают развод. Я поднялся по ступенькам казармы. Мне придется подать заявление и ждать. А подать заявление надо обязательно. Разве у меня есть выбор? Нет. Я не смогу жить с Анни после того, что она натворила.

«В горе и радости, пока нас не разлучит смерть». В глубокой задумчивости я взялся за ручку двери.

Разлучит смерть, а не измена. Этой причины в клятве верности Церковь не предусмотрела.

«Ах, Николас...» – Я видел перед собой суровые глаза отца. Он смотрел с неодобрением.

«В здравии и болезни, в горе и радости...» Вдруг дверь казармы распахнулась, на площадку перед дверью шумно выскочили два солдата, но сразу присмирели, заметив перед собой капитана.

Пусть Церковь разрешает разводы. Но отец не мог учить меня плохому, клятва есть клятва. Оставив Анни, я нарушу клятву, данную перед алтарем. Впрочем, какое это имеет значение? Ведь одну клятву я уже нарушил.

Я ругался долго и изощренно и наконец ринулся в свою комнату, схватил сумку, выбежал к электромобиле и поехал домой.

Анни сидела на кухне за чашкой чая.

– Никки? – в ее глазах затеплилась надежда. Мой голос напоминал скрежет наждачной бумаги:

– Я не буду разводиться с тобой. Я поклялся оставаться с тобой до самой смерти, и я выполню свою клятву. Если хочешь, можешь развестись со мной. Возражать не буду.

– Ты пришел только из-за клятвы?

– Мы по-прежнему будем жить вместе. Никаких разговоров о том, что произошло в спальне. Никогда. Это все, что я могу сказать.

– В клятве были и другие слова. – Она порывисто встала. – Любить, уважать и защищать. Вот что ты обещал.

Слова застревали у меня в горле, но я все же произнес их:

– Я больше не люблю тебя. Я... я ничего не могу с этим поделать.

– Зачем тогда оставаться мужем и женой? – Она смотрела на меня пристально, с прищуром.

– Я дал клятву, – выдавил я. Лучше бы я не давал той клятвы.

– Что касается Эдди...

– Не говори о нем.

– Мы с тобой будем спать вместе? На одной кровати? Будем разговаривать?

– Не знаю. – Я устало опустился на стул. – Ты слишком много от меня требуешь.

– Как ты можешь жить здесь, ненавидя меня?

Я уронил голову на стол.

– У меня нет ненависти к тебе. – Господи Боже, сотри из моей памяти ту проклятую сцену, которую мне пришлось застать в собственной спальне. Дай мне занять место Алекса, сделай меня блаженным без памяти. – Алекс потерял память. Он не помнит меня.

– Ох, Никки!

Я попытался что-то сказать, но не смог. Она погладила меня по шее, по голове.

«Распутная Иезавель, не прикасайся ко мне!»

Она обхватила мою несчастную голову руками. Несмотря на всю свою решимость, я сразу растаял, уткнулся лицом в ее мягкие груди, ухватился за распутную, наглуую жену как утопающий за соломинку. Плечи мои содрогались от рыданий.

Часть II

Март, год 2200-й от Рождества Христова

7

Наконец мои рыдания стихли; спустя час я взял себя в руки. Спал я один во второй спальне, всю ночь ворочался, осознавая, что соблазн комфортной жизни не сможет заставить меня забыть измену и сосуществование в одной квартире с Анни будет сплошной мукой. Лучше бы я остался в казарме! Но заставить себя перебраться туда я тоже не смог.

Я снова стал ежедневно навещать Алекса. Иногда со мной в госпиталь ездила Анни. Ее Алекс тоже не помнил, но отнесся к ней хорошо.

Через несколько дней после нападения рыб Де Марне вернулся в Адмиралтейство. Мне удалось пробиться к нему на прием. Адмирал выслушал мой доклад о плантаторах внимательно, не перебивая.

– Каковы твои выводы? – спросил он.

Я решил выразиться помягче и неопределеннее:

– Досада плантаторов вполне понятна в свете некоторых трудностей, связанных со строительством военных баз.

– Я просил тебя заниматься плантаторами, а не военными базами, – проворчал Де Марне, сердито барабаня по столу пальцами.

– Так точно, сэр. Но у меня нет сведений о том, насколько справедливы жалобы плантаторов в этом вопросе. Если жалобы справедливы, а мы их игнорируем...

– Спешное развертывание сухопутных сил всегда связано с издержками! – вспылил адмирал.

– Конечно, сэр.

– Уж не думаешь ли ты, что я не понимаю, какой глупостью является строительство главной базы в Вентурах?

– Я всего лишь передал вам мнение плантаторов.

– Понимаю, – смягчился он и тяжело вздохнул. С космодрома послышался гул взлетающего шаттла. Когда шум утих, адмирал продолжил:

– Я назначу тебя генералом-инспектором.

– Кем? – изумился я. – Простите, сэр, но такой должности не существует.

– Я имею право ее создать. Послушай, мы потеряли четыре корабля. Чудища могут напасть в любую минуту. В такой обстановке ослабление тыла недопустимо. Плантаторов надо успокоить. – В задумчивости он снова постучал пальцами по столу. – Лаура Трифорт права. Ее помощь крайне важна. Иначе нам не удалось бы обеспечить базу в Вентурах. И ее содействие понадобится нам еще не раз. Скажи плантаторам, что в твои обязанности входит фиксирование их жалоб и устранение наших недостатков.

– Какие у меня будут полномочия?

– Только одно: докладывать мне их жалобы. Что повесил нос? Какие еще могут быть полномочия у офицера по связям с общественностью? Твое дело докладывать, а мое – принимать решения. Если я сочту нужным что-либо исправить, так и будет сделано.

– Но плантаторы верят мне, с некоторыми из них я подружился. Мне не хотелось бы вводить их в заблуждение, изображая из себя генерала-инспектора, наделенного полномочиями.

– Я и раньше слышал о твоей дерзости, – вскинул бровь адмирал.

– Да, сэр, к сожалению, иногда я не очень охотно подчинялся приказам, – признался я, устав от всей этой дипломатии.

Губы Де Марне едва заметно обозначили озорную улыбку.

– Ну что ж, значит, мы с тобой понимаем друг друга. Принимайся за дело. Займись плантаторами, чтоб они больше мне не досаждали.

Такой поворот событий меня не устраивал. Глядя в пол, я долго подыскивал подходящие слова и наконец решился:

– Тогда я попрошу отставки, если позволите.

– Какой отставки? От должности офицера по связям с общественностью?

– Нет, сэр. Я подам в отставку с военной службы. – Я поднял глаза и выдержал его пристальный взгляд.

– Не угрожай отставкой. Я ведь могу поймать тебя на слове и действительно отправить в отставку, – прорычал Де Марне.

– Отправляйте, сэр.

Адмирал долго изучал меня взглядом. Наконец он вздохнул.

– Ладно, Сифорт. Вообще-то тебя следовало бы отправить в отставку в назидание строптивым. Но я поступлю иначе. Ты просил настоящей работы? Получай. Назначаю тебя генерал-инспектором и даю тебе полномочия проверять все военные базы и прочие воинские формирования. Ты будешь заниматься базой в Вентурских горах, войсками, расквартированными в Централтауне, и орбитальной станцией. Но в дела космического флота не лезь. Кораблями буду заниматься только я. – Помолчав, адмирал добавил:

– Ты понимаешь, какие полномочия я тебе дал? Теперь ты один из самых могущественных людей этой планеты.

– Лучше бы вы дали мне корабль.

– Я уже говорил тебе, что корабль ты получишь. Не торопись, всемо свое время.

Пришлось мне капитулировать:

– Хорошо, сэр. С чего начать?

– Откуда я знаю? Какого хрена ты спрашиваешь о том, что должен знать сам? – Адмирал встал, показал мне на дверь. – Моя приемная забита людьми. И все они ждут.

– Пардон, сэр, но почему вы сначала обвинили меня в дерзости, а потом наделили такими полномочиями?

– Проверять обоснованность жалоб плантаторов у меня просто нет времени, у меня и без того сверх головы хлопот с флотом, а поручить это дело кому-нибудь из своих капитанов я тоже не могу, потому что все они заняты на кораблях. Между тем ситуация на поверхности планеты складывается действительно тревожная. Вот почему я вынужден взвалить эту работу на тебя. Возьми себе в помощники одного-двух лейтенантов и, если хочешь, гардемарин. – Он протянул мне руку. – Желаю удачи.

– Благодарю, сэр, – широко улыбнулся я, пораженный его великодушием.

Выйдя из кабинета, я сразу обратился к лейтенанту Эйфертсу с вопросом о помощниках. Он направил меня в отдел кадров этажом выше.

При моем появлении там лейтенант Буперс, сидевший за дисплеем, даже не соизволил повернуть голову и разговаривал со мной, пялясь в экран.

– Капитан, в вашем распоряжении уже есть два человека: лейтенант и старшина, – сказал он.

– Лейтенант Тамаров лежит в госпитале, а тот... он не подходит, – возразил я.

– Сэр, к сожалению, адмирал установил для вашей деятельности по связям с общественностью низкий приоритет, поэтому у меня нет оснований для выделения вам дополнительных помощников.

Вот загвоздка! Если он не даст мне людей, тогда придется обратиться к самому адмиралу, который обязательно упрекнет меня в том, что я не способен решить даже эту маленькую проблему.

– У вас еще какие-то вопросы, капитан? – спросил лейтенант, по-прежнему глядя в экран и барабаня по клавиатуре.

– Да. Мне нужен лейтенант... нет, два лейтенанта. И немедленно!

– Я же сказал вам...

– Смирно! – рявкнул я.

Он нехотя подчинился и заявил:

– Я нахожусь в непосредственном подчинении адмирала Де Марне, сэр, и выполняю только его приказы.

– Молчать! Пока я не разрешу говорить.

Я понимал его непростое положение. С одной стороны, он действительно входил в личный штат адмирала и подчинялся непосредственно Де Марне. С другой стороны, я был капитаном, а он лишь лейтенантом.

Я сел за столик, начал листать журнал. В полной тишине прошло несколько минут. Разумеется, все это время лейтенант стоял по стойке смирно, с каждой секундой чувствуя себя все более и более неловко. Наконец я понял: еще немного – и он не выдержит.

– Лейтенант, вы бывали на планете Майнингкэмп? – спросил я.

– Нет, сэр.

– Хотя бы слышали о ней?

– Конечно.

– А хотели бы побывать там?

– Боюсь, не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

– Там на орбитальной станции, как вам известно, хозяйничают сухопутные войска, а не Военно-Космические Силы. Живут они на станции без особых удобств и развлечений, но все же немного лучше, чем горнодобытчики на поверхности запыленной планеты. – Я замолчал, снова медленно полистал журнал, но боковым зрением видел, что внимание лейтенанта приковано ко мне. Выждав немного, я продолжил:

– Если в течение двух минут я не получу помощников, вы улетите на Майнингкэмп в должности нового офицера по связям и проведете там годы, вспоминая о своей удивительной несообразительности. Теперь, надеюсь, вам достаточно ясно? – Я закрыл журнал.

– Абсолютно ясно, сэр. Разрешите приступить к делу? – спросил он, покрываясь испариной.

Я кивнул. Лейтенант прыгнул в кресло перед дисплеем и начал проворно сновать пальцами по клавиатуре.

– Есть у вас какие-нибудь специфические пожелания? Какими качествами должны обладать ваши помощники? – спросил он.

– Нет. Пусть только они побыстрее явятся ко мне для работы.

– Есть, сэр. Они прибудут в ваше распоряжение завтра. Такой срок вас устраивает?

– Вполне.

– Отправить мистера Тамарова в отпуск по болезни?

Стоит ли несчастному Алексу томиться в госпитале? Там он может совсем пасть духом.

– Нет, оставьте его со мной, – приказал я. А что, если возвращение к активной жизни поможет Алексу вернуть утраченную память? Я встал, собираясь идти, но кое-что вспомнил. – Сделайте еще одну вещь.

– Слушаю, сэр, – наострил уши лейтенант.

– У меня в помощниках был Эдди Босс. Он сейчас проживает в казармах. Переведите его на первый же корабль, отправляющийся из этой системы.

– Есть, сэр.

Дело было сделано. Вслед мне лейтенант отдал честь. Буперс хорошо меня развлек. То-то была бы картина, если б он пожаловался Де Марне, что я хочу загнать его на Майнингкэмп! Я с удовольствием представлял себе эту сцену, идя к своему электромобилю. Глуповатый он все-таки малый, этот Буперс. Как я мог послать его на ту противную планету, если назначениями ведает он сам?

В ожидании новых помощников я сидел у себя дома и просматривал документы. Адмирал Де Марне сдержал слово: он подписал приказ, уполномочивший меня «выявлять и устранять любые недостатки и злоупотребления в деле развертывания и укрепления Сил ООН на планете Надежда». Приятно удивил меня тот факт, что мои полномочия простирались не только на военно-космические, но и на сухопутные вооруженные силы. Поистине Де Марне имел необъятную власть. Немалой ее частью он поделился со мной.

Я вскочил, начал расхаживать взад-вперед, размышляя. И так, первым делом надо выбить помещение для офиса. В самом деле негоже генерал-инспектору руководить из гостиной.

В полдень надо навестить Алекса в госпитале, я ему обещал. А пока необходимо дожидаться двух лейтенантов.

Анни по моей просьбе ушла на прогулку, чтобы не мешать встрече с новыми помощниками.

С чего начать? Может быть, в первую очередь проверить базу в Вентурах? Лаура Трифорт нарисовала достаточно мрачную картину. Правда там столько безобразий?. Да, туда надо съездить, хотя бы ненадолго. К сожалению, на этот раз мне придется любоваться Вентурскими горами без Аманды и Дерека.

Наконец раздался звонок. Я открыл дверь и опешил. На пороге стоял мой старый нехороший знакомый.

– Лейтенант Толливер прибыл в ваше распоряжение, – доложил он, отдавая честь.

– Ты сам напросился ко мне? – недовольно проворчал я, брезгливо отвернулся и пошел в гостиную.

– Нет, сэр, – ответил он мне в спину, следуя за мной. – Просто пришел приказ, а почему – не знаю.

Может быть, это своеобразная месть Буперса? Вряд ли. Откуда ему знать о моих натянутых отношениях с Толливером.

– Я устрою замену. Нам будет трудно работать вместе, – ворчал я.

– Трудно, сэр? Почему? – искренне удивился он.

– Только не говори, будто ты давно все забыл.

– Вы имеете в виду те времена, когда мы были кадетами?

Я хмуро кивнул.

– Это я хорошо помню. Я учился курсом старше вас.

– Именно так. – И из-за тебя мне приходилось мучиться больше, чем следовало, – хотел сказать я.

– Жаль, что я вызываю у вас неприятные воспоминания, сэр. Лично я ничего против совместной работы не имею.

Я пристально уставился на него. Притворяется?

– Ты забыл Академию? – спросил я.

– Вы имеете в виду неуставные отношения? Но это же обычное дело, просто способ поддерживать дисциплину. Я только исполнял свои обязанности.

Похоже, он говорил правду.

– Я ненавижу тебя, – признался я и чуть не добавил: и сейчас тоже.

– Жаль, сэр, – пожал плечами он. – Мне пришлось испытать нечто подобное на первом курсе, но я не считал это издевательством.

Мое ворчание было прервано звонком в дверь. Пришел лейтенант Эйфертс.

– Вы с сообщением от адмирала? – спросил я.

– Нет, сэр. Я прибыл в ваше распоряжение, – доложил он.

– Что? – изумился я.

– Меня назначили вашим помощником.

– Но вы же работали в непосредственном подчинении адмирала!

– Так точно. До сегодняшнего дня.

До чего же хитер Де Марне! Прислал шпионить за мной своего адъютанта. Доверяет, но проверяет.

– Насколько я понимаю, если я попрошу вас замену, мне будет отказано?

– Возможно, сэр. – Уголки его рта чуть приподнялись. – Мной Буперс распоряжаться не может.

Ну что ж, работать с Эйфертсом я смогу. Неважно, что он за мной следит. В конце концов, шпионит он не для кого-нибудь, а для адмирала. А вот с Толливером будет труднее.

– Мистер Толливер, выйдите из квартиры, – приказал я.

– Есть, сэр, – автоматически выпалил он и немедленно вышел.

Это было естественно, ведь он только что прибыл с корабля, где царит жесткая дисциплина. А вот Эйфертс привык к тепличным условиям наземной службы.

– Итак. – Я принялся расхаживать по гостиной, словно по капитанскому мостику. – Кто это устроил, вы или сам адмирал?

– Что вы имеете в виду? – спросил Эйфертс, изображая младенческую невинность.

Я не ответил. Молчание тянулось так долго, что Эйфертс нервно заерзал в кресле.

– Мне дано задание помогать вам во всем, – сказал он наконец.

– Лейтенант, кому вы будете служить – мне или адмиралу?

– Разве вы с ним враждуете, сэр?

Хорошенький вопрос. В самом деле, я ничего не должен скрывать от адмирала.

– Вы доложите ему мой ответ? – спросил я с мрачной иронией.

– Сэр, в мои обязанности входит помогать вам в выполнении вашего задания, что включает в себя исчерпывающие доклады адмиралу.

– Ты, салага, быстро выкладывай всю правду, – взревел я.

– Есть, сэр. – Он выставил ладонь, как бы отталкивая мой гнев. – Мне поручено не только помогать вам, но и информировать адмирала обо всем, что мне покажется важным.

Я снова начал расхаживать по всей гостиной.

– Лейтенант, вам приказано не посвящать меня в ваши доклады адмиралу?

Поколебавшись, он все-таки ответил:

– Такого приказа не было, сэр. Но это подразумевалось.

– Ладно. Содержание ваших докладов меня не интересует, докладывайте адмиралу так, как считаете нужным, но всякий раз ставьте меня в известность о самом факте доклада. Приказ понят?

– Так точно, сэр. Я всегда буду сообщать вам о своих докладах адмиралу Де Марне. Приказ понят и принят к исполнению, сэр. – От напряжения его лоб покрылся бусинками пота.

– Хорошо. Надеюсь, мы с вами сработаемся, лейтенант Эйфертс.

– Спасибо, сэр, – вяло улыбнулся он.

– Сейчас я отправлюсь в госпиталь навестить мистера Тамарова, а пока хотелось бы выяснить еще один вопрос. Вы хорошо знаете местные порядки... Скажите, сколько потребуется времени, чтобы получить помещение для офиса?

– Вы хотите офис в Адмиралтействе, сэр?

– Э... Нет. Наверно, лучше где-нибудь в центре города.

– Офис легче получить возле казарм Военно-Космических Сил. Мне достаточно сделать всего пару звонков нужным людям, сэр. – Эйфертс заметно приободрился, когда речь зашла о хорошо знакомых ему делах.

– Отлично. Утром мы отправимся в Вентуры, а к нашему возвращению я хотел бы уже иметь офис.

На этом я закончил разговор и проводил Эйфертса на улицу. У подъезда стоял Толливер, уставившись на цветы. Я сердито приказал ему:

– К утру нам нужно два компьютера, суточный паек и вертолет до Вентур. Позаботьтесь об этом.

– Есть, сэр. Сэр, означает ли это, что я остаюсь в вашем распоряжении?

– Это означает, что вы должны выполнить приказ, – бросил я и направился к электро-мобилею.

По пути в госпиталь я клял себя на чем свет стоит. Чего я добился? Настроил против себя помощников и лейтенанта Буперса. Хорошенькое начало!

– Что такое Вентуры? – спросил Алекс.

– Эти горы тянутся вдоль края Западного континента, – терпеливо объяснял я. – Величественные вершины, дикая природа девственной чистоты.

– База Военно-Космических Сил находится там?

– Да, Алекс.

– Я обязан туда лететь?

– Нет.

– Тогда я лучше останусь здесь. – Он отвернулся к окну и стал грустно смотреть на ухоженный газон.

– Ладно, – сказал я, стараясь скрыть досаду. – Навещу тебя по возвращении.

– Навещай, если хочешь.

Я направился к двери.

– Что со мной будет? – тревожно спросил он вдогонку.

– Ты будешь в отпуске по болезни, пока, не выздоровеешь.

– Но врачи говорят, что память может и не вернуться. Оставят ли меня тогда на службе? Должен ли я подчиняться приказам сейчас?

– Ты пока не уволен, Алекс. Но если память к тебе не вернется, тогда тебя, несомненно, отправят в отставку.

– А потом? – Он оторвался от окна, посмотрел на меня с надеждой. – Что мне тогда делать? Кем я буду работать?

Это был крик души.

– Я буду присматривать за тобой, Алекс.

Он снова отвернулся к окну, с горечью сказал:

– Мне не нужны няньки.

– Извини. – Мне хотелось как-то утешить его, дружески положить на плечо руку, но я чувствовал, что моя жалость ему не нужна. – До свидания.

– До свидания, мистер Сифорт. Я должен называть тебя сэром?

– Конечно. Но я не буду требовать этого, пока ты сам не вспомнишь почему.

– Спасибо.

Я ушел, а он все смотрел в окно с той же тоскою.

8

Полет на запад к Вентурским горам ничем не отличался от прошлого. Как и четыре года назад, нудно тянулись долгие часы над безбрежной гладью Широкого океана. Буйные водоросли местами выходили на поверхность, переплетаясь с водяными розами и лилиями. Ни рыб, ни животных на этой планете не было. Одна только растительность.

Я управлял боевым вертолетом с наслаждением, понемногу вспоминал назначение всех кнопок и рычажков, которыми можно пускать во врага разнообразные снаряды и включать защиту. Разумеется, сейчас никакого вооружения на борту не было. Когда до Западного континента оставалось часа два лету, наш радар засек сигнал радиомаяка Вентурской базы. Я включил автопилот и безмятежно развалился в кресле. Пора бы и отдохнуть – позади шесть часов полета.

* * *

На заднем сиденье дремал Толливер. На переднем рядом со мной лейтенант Эйфертс просматривал какую-то информацию на маленьком дорожном компьютере.

– Сэр! – нарушил молчание Эйфертс.

– Что?

– Я изучил список оборудования, доставленного на базу в Вентурах, сэр. Теоретически туда завозили как раз то, что надо, но на практике получаются кое-какие несообразности.

– Жалко, что стратегическим планированием руководили не вы, – съязвил я. – Насколько я понимаю, базу основали в такой глуши, чтобы иметь возможность оборонять оба полушария планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.